

ДЖОН ГРИШЭМ

ОКРУГ ФОРД

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм
Округ Форд (сборник)
Серия «Гришэм: лучшие детективы»
Серия «Округ Форд»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32879936
Округ Форд : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. Н. В. Рейн]:
Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107716-7

Аннотация

«Округ Форд» – триумфальное возвращение Гришэма на американский Юг, где разворачивалось действие легендарного романа «Пора убивать», с которого началось победное шествие книг Джона Гришэма по всему миру. Семь рассказов. Семь потрясающих историй о людях, в той или иной степени оказавшихся не в ладу с законом. Семь завораживающих сюжетов – и неожиданных финалов. Обитатели округа Форд – далеко не ангелы, и писатель отнюдь не льстит им. Но возможно, именно поэтому читателю еще интереснее следить за поворотами их судеб – резкими, неожиданными, а порой и по-настоящему опасными...

Содержание

Приключения доноров	5
Поездка за Реймондом	64
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Джон Гришэм

Округ Форд

© Belfry Holdings, Inc., 2013

© Перевод. Н.В. Рейн, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Приключения доноров

Ко времени, когда весть о несчастье с Бейли распространилась среди обитателей Бокс-Хилла, там существовало уже несколько версий случившегося. Кто-то из строительной компании позвонил его матери и сообщил, что сын пострадал в результате обрушения лесов на строительной площадке в центре Мемфиса, что парня прооперировали, состояние его стабильное и жизни ничто не угрожает. Мать-инвалид, весившая свыше 400 фунтов и отличавшаяся неуравновешенным характером, пропустила мимо ушей кое-какие детали, разразилась истерическими криками и еще долго продолжала в том же духе. А потом принялась обзванивать друзей и соседей, и с каждым новым звонком трагическая новость обрастала все новыми подробностями и преувеличениями. Она не удосужилась записать телефонный номер представителя компании, так что позвонить и проверить, что произошло на самом деле, не было никакой возможности, а потому слухи лишь множились и разрастались с каждой минутой.

Один из сослуживцев Бейли, тоже из округа Форд, позвонил девушке пострадавшего и сообщил следующее: Бейли будто бы переехал бульдозер, стоявший рядом с лесами. И парень практически готов. Нет, хирурги еще возьмется с ним, но надежды никакой.

А потом администратор больницы Мемфиса набрал до-

машинный номер Бейли и сказал, что хочет поговорить с его матерью. Ему ответили, что несчастная в постели, слишком расстроена, чтобы говорить с кем-то, и подойти к телефону не в состоянии. Сосед, снявший трубку, пытался выведать у администратора подробности, но не слишком преуспел. Что-то там обрушилось на строительной площадке, вроде бы в котловане, где работал молодой человек. Да, он находится в хирургическом отделении, и больнице нужна дополнительная информация о пациенте.

Маленький кирпичный домик Бейли скоро превратился в центр общественной жизни поселка. Люди начали прибывать к концу дня: друзья, родственники, несколько пасторов из крохотных церквушек, разбросанных вокруг Бокс-Хилла. Женщины собрались на кухне и в гостиной, сплетничали не умолкая, телефон трезвонил непрерывно. Мужчины толпились у крыльца и курили. Вскоре появились пироги и печенье.

Заняться было нечем, информация о состоянии Бейли была самая скудная, а потому собравшиеся хватались за каждый самый незначительный факт, обсуждали его, обсасывали, обкатывали, разбирали, затем передавали женщинам в доме или мужчинам на улице. Нога раздроблена, скорее всего ее уже ампутировали. Серьезнейшее сотрясение мозга. Бейли упал с лесов, с высоты четырехэтажного дома, а может – и восьмиэтажного. Грудь буквально раздавлена. Несколько фактов и версий родилось прямо на месте. Прозвучали да-

же мрачные предположения на тему того, когда следует начинать подготовку к похоронам.

Бейли исполнилось девятнадцать, и за всю короткую жизнь не было у него столько друзей, приятелей и просто сочувствующих. Весь городок любил его все больше и больше с каждой минутой. Такой славный парень, воспитанный, уж куда лучше своего беспутного папаша, которого никто из местных не видел вот уже много лет.

Появилась бывшая девушка Бейли и тут же стала центром внимания. Она, конечно, была страшно огорчена и подавлена и принималась плакать всякий раз, заговаривая о своем любимом Бейли. Однако когда новость просочилась в спальню и мать узнала, что эта маленькая шлюшка посмела заявиться к ней в дом, поступило распоряжение тотчас выставить девчонку вон. Тогда маленькая шлюшка вышла на улицу, присоединилась к толпившимся там мужчинам и принялась курить и заигрывать с ними. И наконец отбыла с намерением немедленно поехать в Мемфис повидаться со своим Бейли.

Двоюродный брат одного из соседей жил в Мемфисе. Он неохотно согласился зайти в больницу и провентилировать обстановку. С первым его звонком пришли новости: да, молодому человеку действительно делают операцию в связи с многочисленными ранениями, но состояние в целом стабильное. Он потерял много крови. Второй звонок двоюродному брату прояснил еще несколько фактов. Брат перегово-

рил с бригадиром стройки, и тот сообщил, что Бейли получил увечья, когда в строительные леса врезался бульдозер. Леса обрушились прямо на бедного паренька, и тот упал в котлован или яму глубиной футов пятнадцать, около того. Бригада укладывала кирпичи, строила шестиэтажное офисное здание в центре Мемфиса, и Бейли работал помощником каменщика. В ближайшие сутки в больницу к нему никого пускать не будут. Но нужны доноры для переливания крови.

Помощник каменщика?.. А мать Бейли похвалялась, что ее сынок быстро продвигается по служебной лестнице и уже стал главным помощником прораба. Впрочем, момент был явно неподходящий, чтобы уличать ее во лжи.

С наступлением темноты появился мужчина в костюме, представился детективом. Сказал, что проводит расследование, и напрямик направился к дяде Бейли, младшему брату матери, заявив, что хочет побеседовать с ним наедине. Оказавшись на заднем дворе, он протянул дяде карточку какого-то адвоката из Клэнтонна.

– Лучший адвокат во всем округе, – сказал он. – И мы уже работаем над делом.

Это произвело впечатление на дядю, и тот пообещал отшивать всех остальных адвокатишек – «эту банду кровопийц и охотников за простаками», – а также предать анафеме любого страхового агента, который осмелится возникнуть на горизонте.

Затем неизбежно разговор зашел о поездке в Мемфис.

Хоть и находился он недалеко – всего в двух часах езды на машине, – эти два часа легко могли превратиться в пять. Путешествие из Бокс-Хилла в большой город означало, что прежде надо целый час ехать до Тьюпело, где население составляет пятьдесят тысяч человек. Мемфис находился в другом штате, в другом мире, и уровень преступности там всегда высок. По этому показателю он практически сравнился с Детройтом. Каждый вечер по пятому каналу показывали какую-нибудь кровавую бойню.

Мать Бейли чувствовала себя все хуже и хуже – понятно, что ехать, а уж тем более сдавать кровь она не в состоянии. Сестра проживала в Клэнтоне, но ей не с кем оставить детишек. Завтра пятница, рабочий день, а это означало, что дорога в Мемфис и обратно, плюс еще эта возня с кровью, займет уйму времени. Да и потом, кто знает, когда потенциальные доноры смогут вернуться в округ Форд.

Еще один звонок из Мемфиса принес такие новости: оперировать парня закончили, он цепляется за жизнь и по-прежнему отчаянно нуждается в переливании крови. Ко времени, когда это известие достигло ушей мужчин, болтавшихся возле дома, оно несколько преобразилось. Получалось, что бедняга Бейли может умереть в любую секунду, если любящие его люди не поспешат в больницу вскрывать свои вены.

И тут выискался герой. А как же без него! Герой по имени Уэйн Эгнор, ближайший друг Бейли, которого с рождения

звали Эгги. Работал он с отцом, которому принадлежал магазин нижнего белья. Так что график у него был гибкий, и он всегда мог выкроить время для поездки в Мемфис. К тому же у Эгги имелся личный пикап, «додж» последней модели, и он клялся и божился, что знает Мемфис как свои пять пальцев.

– Могу ехать прямо сейчас, – гордо заявил Эгги собравшимся во дворе мужчинам. И фраза распространилась, и вскоре в доме уже знали, что путешествие материализуется. Но одна из женщин тут же охладила всеобщий пыл, объяснив, что нужно несколько добровольцев, поскольку от каждого донора в больнице могут взять только пинту крови.

– Ты же не можешь выдать им целый галлон, – пояснила она.

К тому же не у каждого окажется нужная группа крови, а при одной мысли о всяких там иголках и трубочках многие просто приходили в ужас. И тут во дворе и в доме воцарилась тишина. Озабоченные соседи, всего минуту назад столь искренне сочувствовавшие Бейли, начали соображать, как бы оказаться подальше отсюда.

– Я тоже еду, – вдруг произнес еще один молодой человек, и все тут же начали поздравлять его. Звали парня Кальвин Мар. График работы у него тоже было гибкий, но совсем по другой причине – Кальвина уволили с обувной фабрики в Клэнтоне, а потому он на данный момент являлся безработным. Иголок он боялся ужасно, но перевешивало романти-

ческое желание впервые в жизни увидеть Мемфис. И потом – донорам всегда почет и слава.

Эгги оживился, узнав, что один попутчик у него уже есть, и спросил:

– Кто еще?..

В ответ прозвучало невнятное бормотание, мужчины при- нялись усердно разглядывать носки ботинок.

– Возьмем мою машину, за бензин плачу я, – добавил Эг- ги.

– А когда отъезжаем? – спросил Кальвин.

– Прямо сейчас, – ответил Эгги. – Дело срочное.

– Вот это правильно, – заметил кто-то.

– Я пошлю Роджера, – сказал пожилой джентльмен. Но его слова были встречены молчаливым скептицизмом. Род- жер, которого здесь не было, о работе мог не беспокоиться, поскольку ни на одной удержаться у него не получалось. Он закончил среднюю школу, а потом увлекся алкоголем и нар- котиками. Так что иглол точно не боялся.

Хотя здешние мужчины в целом имели слабое представ- ление о переливании крови, сама идея, что пострадавшему может пригодиться кровь Роджера, показалась сомнитель- ной.

– Вы что, хотите убить беднягу Бейли? – пробормотал один из них.

– Мой Роджер справится, – с гордостью произнес его отец.

Вопрос состоял в том, трезв ли Роджер в данный момент.

Борьба парня с демонами-искусителями широко обсуждалась обитателями Бокс-Хилла. И большинство из них обычно знали, под кайфом ли он в тот или иной момент.

– Последние дни Роджер в отличной форме, – поспешил заверить всех его отец, хоть и прозвучало это не слишком убедительно. Но ситуация требовала принятия быстрых решений, и, отметя все сомнения, Эгги спросил:

– Где он?

– Дома.

Ну конечно, дома. Роджер никогда не выходил из дома. Куда ему ехать?..

За несколько минут дамы умудрились собрать большую коробку с сэндвичами и прочей снедью. Эгги и Кальвина обнимали, поздравляли, всячески подбадривали, словно они отправлялись на фронт, защищать родной округ от врага. А когда они наконец тронулись в путь спасать жизнь Бейли, все собравшиеся долго махали вслед отважным молодым парням.

Роджер ждал на улице, у почтового ящика, и, когда пикап притормозил, наклонился к окну со стороны водителя и спросил:

– Мы что, ночь там проведем?

– Вообще-то не планировали, – ответил Эгги.

– Ясно.

После недолгого спора было решено, что Роджер, как человек более хрупкого телосложения, должен сесть посереди-

не, между Эгги и Кальвином – те были значительно крупнее и весили больше. Ему поставили на колени коробку с едой, и не успел пикап и на милю отъехать от Бокс-Хилла, как Роджер уже разворачивал сэндвич с индейкой. Ему исполнилось двадцать семь, он был старшим из троих, но прожитые годы никак нельзя было назвать благополучными. Он прошел через два развода и бесчисленные и неудачные попытки избавиться от пагубных пристрастий. Нервный и тощий, возбужденный наркотиками, он в момент умял первый сэндвич и тотчас развернул второй. Эгги, весивший 250 фунтов, и Кальвин – 270, отказались. Последние два часа, проведенные в доме у матери Бейли, они усердно поедали пироги.

Первой темой разговора стал Бейли, человек, которого Роджер едва знал. А вот Эгги и Кальвин ходили вместе с ним в школу. Но поскольку все трое были холостяками, то неизбежно переключились на не менее волнующую тему – на секс. У Эгги была подруга, и он уверял, что наслаждается выгодами и преимуществами «качественного» во всех отношениях романа. Роджер трахал все, что шевелится, и вечно пребывал в поисках. Застенчивый Кальвин в двадцать один год еще оставался девственником, хотя никогда в том не признался бы. Чтобы не отставать от других, он лгал, уверяя, что у него уже была пара интрижек, хотя в детали не вдавался. Словом, все трое сильно преувеличивали, и все трое это знали.

Когда они въехали на территорию округа Полк, Роджер

сказал:

– Притормози-ка вон там, друг, у «Голубой точки». Мне надо отлить.

Эгги остановил машину перед входом в местный супер-маркет. Роджер забежал в дверь.

– Думаешь, он там выпивает? – спросил Кальвин, пока они ждали.

– Его папаша уверяет, что он завязал.

– Папаша тоже врун порядочный.

Как и следовало ожидать, через несколько минут Роджер выскочил из магазина с упаковкой баночного пива.

– О Господи, – пробормотал Эгги.

Роджер уселся в машину, под шинами скрипнул гравий, и они снова тронулись в путь.

Роджер достал банку и предложил Эгги, тот отказался:

– Нет, спасибо. Я за рулем.

– А что, разве нельзя глотнуть пивка и вести машину?

– Не сегодня.

– Ну а ты будешь? – Он протянул банку Кальвину.

– Нет, спасибо.

– Вы что, ребята, сговорились, что ли? – заметил Роджер и, щелкнув крышечкой, отпил сразу полбанки.

– А я думал, ты завязал, – сказал Эгги.

– Так и есть. Я все время завязываю. Завязывать – проще некуда.

Теперь уже Кальвин держал на коленях коробку с едой,

и просто от скуки начал жевать большое овсяное печенье. Роджер допил пиво и протянул ему пустую банку:

– Сделай одолжение, выбрось.

Кальвин опустил стекло и зашвырнул пустую банку в просторный багажник пикапа. Подняв стекло, он увидел, что Роджер открывает вторую. Эгги и Кальвин обменялись встревоженными взглядами.

– Как же ты будешь сдавать кровь, нахлебавшись пива? – спросил Эгги.

– Сдам, делов-то, – усмехнулся Роджер. – Много раз это проделывал. А вы, ребята, когда-нибудь сдавали кровь?

Эгги и Кальвин неохотно признались, что им это делать не приходилось. И тогда Роджер принялся описывать процедуру:

– Ну, первым делом там тебя заставляют лечь, потому как многие просто вырубаются. Чертова игла такая здоровенная, что большинство парней просто хлопаются в обморок, увидев ее. Потом тебе обматывают руку, вот тут, широким резиновым жгутом, потом медсестра начинает мять и тыкать пальцем тебе в изгиб локтя, чтобы найти хорошую толстую вену. Тут советую отвернуться и не смотреть. Потому как в девяти случаях из десяти она промахнется, игла не попадет в вену – больно при этом, просто жуть! Ну а потом медсестра, конечно, начинает извиняться, а ты костеришь ее почему зря, тихо так, шепотом. Если повезет, в вену она попадет со второго захода. Ну а когда попадет, кровь начинает течь по тру-

бочке в небольшой такой мешочек. И знаете, просто поразительно, до чего она темная! Черно-бордового такого цвета. И эту несчастную пинту выкачивают из тебя целую вечность, и все это время сестра держит проклятую иглу у тебя в вене. – Он отхлебнул пива, довольный, что нагнал страху на друзей столь подробным и выразительным рассказом. А что, пусть знают, что им предстоит!

Несколько миль они ехали в полном молчании.

Вот и вторая банка опустела, и Кальвин забросил ее назад. Роджер тотчас вскрыл третью.

– Пиво очень помогает, – заметил он, облизывая губы. – Разжижает кровь, и весь процесс проходит быстрее.

Стало ясно, что он задумал прикончить всю упаковку, причем быстро. Надо бы отнять у него хотя бы часть. Все слышали, что в пьяном виде Роджер впадает в буйство.

– Знаешь, я, пожалуй, тоже выпью, – сказал Эгги.

И Роджер тут же протянул ему банку.

– Ну и я, наверное, тоже, – подал голос Кальвин.

– Вот и славно, – кивнул Роджер. – Лично мне никогда не нравилось пить в одиночку. Первый признак настоящего пьяницы.

Эгги и Кальвин отпивали по глотку, Роджер продолжал заглатывать пиво залпом. Вскоре упаковке из шести банок пришел конец, и он заявил:

– Надобно отлить. Притормози-ка вон там, у «Барбекю Кулли».

Они находились на окраине небольшого городка под названием Нью-Гроув, и Эгги уже начал беспокоиться: сколько же еще времени займет путь? Роджер исчез за углом магазина, там и облегчился, затем нырнул внутрь и вышел с новой упаковкой пива. Когда Нью-Гроув остался позади, парни откупорили банки, и машина понеслась по узкому темному шоссе.

– Когда-нибудь бывали в стрип-клубах Мемфиса? – спросил Роджер.

– Я вообще в Мемфисе не был, – ответил Кальвин.

– Шутишь?..

– Нет, правда.

– Ну а ты?

– Да, я бывал в стрип-клубе, – с гордостью сообщил Эгги.

– В котором?

– Никак не припомню названия. Да они все одинаковые.

– А вот и нет, – резко возразил Роджер и тут же чуть не захлебнулся пивом. – В одних работают просто шикарные куколочки с роскошными формами, в других – обычные уличные шлюхи, которые ни черта не умеют танцевать.

Затем последовала длинная история о том, как легализовались эти клубы в Мемфисе – во всяком случае, по версии Роджера. В старые добрые времена девушки снимали с себя все, до нитки, затем вскакивали к тебе на стол и начинали извиваться, изгибаться, вертеть попками под громкую музыку и бешеные аплодисменты парней. Потом законы изме-

нились, и им приказали выходить в стрингах, но во многих клубах этим правилом пренебрегали. Выступления на столах уступили место другому развлечению – частным танцам на коленях клиентов. Что, в свою очередь, привело к принятию новых законов, запрещающих физический контакт с девушками. Закончив рассказ, Роджер быстро перечислил названия с полдюжины клубов, которые, по его словам, хорошо знал, а затем дал весьма впечатляющую характеристику работавшим там девушкам. Описывал он их детально и весьма выразительно, и когда наконец закончил, обоим его спутникам срочно потребовалось глотнуть пива.

Особенно заворожило это описание Кальвина. Ему доводилось прикасаться к драгоценной плоти девчонок. Он вел счет пивным банкам, которые опустошал Роджер, и когда примерно через час их число достигло шести, тоже захотел поделиться впечатлениями на эту тему. Но вместо этого ему пришлось слушать более опытного соседа, парня, обладавшего неиссякаемой жадой пива, умевшего глотать его безостановочно и при этом в мельчайших подробностях описывать голеньких девочек.

Беседа неизбежно перешла в практическую плоскость. Роджер сказал:

– Когда закончим в больнице, возможно, удастся выкроить время и заскочить в «Десперадо». Ну, выпить там по маленькой, посмотреть пару танцев на столе.

Эгги вел машину, правая рука небрежно лежала на руле,

в левой он сжимал банку пива. Через ветровое стекло он всматривался в дорогу и не откликнулся на предложение. Да его подружка устроит такой скандал с криками и битьем посуды, если узнает, что он потратил деньги в клубе, глаза на голых девиц. Кальвин же в предвкушении нетерпеливо заерзал на сиденье.

– А что, отличная идея, – заметил он.

– А то, – кивнул Эгги. Но только для поддержания разговора.

Навстречу им приближалась машина. И за несколько секунд до того, как они поравнялись, левое переднее колесо пикапа Эгги попало на желтую разделительную линию. Он тут же исправил оплошность. Встречная машина резко вильнула в сторону.

– Да это ж коп! – взвыл Эгги и обернулся вместе с Роджером. Машина резко затормозила.

– Точно, черт бы его побрал, – подтвердил Роджер. – Причем из местных ребят. Жми!

– Он едет следом за нами! – испуганно вскрикнул Кальвин.

– Синяя мигалка! Синяя мигалка! – запричитал Роджер. – Вот дерьмо!

Эгги инстинктивно поддал газу, мотор огромного «дожда» взревел. Они взлетели на холм.

– А ты уверен, что это хорошая мысль?

– Гони, черт тебя побери! – взвизгнул в ответ Роджер.

– У нас там пустые пивные банки... – пробормотал Кальвин.

– Но я не пьяный, – возразил Эгги. – А если убежать... будет еще хуже.

– Мы и так уже удираем, – сказал Роджер. – И теперь самое главное – не попасться, вот и все. – И он снова отхлебнул из банки с таким видом, точно делал последний в жизни глоток.

Пикап мчался со скоростью 80 миль в час, затем стрелка подползла к отметке «90» – участок дороги выдался ровный и прямой.

– А он быстро едет, – заметил Эгги, взглянув в зеркало, и тут же снова уставился на дорогу. – Мать его за ногу!

Кальвин быстро опустил боковое стекло.

– Давайте выбросим банки!

– Нет! – рявкнул Роджер. – Ты что, совсем сдурел? Он нас все равно не догонит. Жми, жми!

Пикап взлетел на небольшой холм, колеса почти оторвались от земли, затем под визг шин они вошли в крутой поворот, и кузов замотало из стороны в сторону.

– Так и убиться недолго, – сказал Кальвин.

– Заткнись! – снова заорал Роджер. – Смотри на дорогу. Как-нибудь прорвемся.

– Почтовый ящик, – пробормотал Эгги и ударил по тормозам. Преследователь отставал на какие-то секунды, но видно его сейчас не было. Они резко свернули вправо, фары выхватили из тьмы маленький фермерский домик, примостив-

шийся под высокими развесистыми дубами.

– Фары выключи! – скомандовал Роджер, точно ему не раз доводилось бывать в подобных ситуациях.

Эгги выключил мотор, затем – фары. Теперь машина медленно катила по короткой грязной дороге, и через несколько секунд остановилась рядом с другим пикапом, «фордом», принадлежавшим мистеру Бьюфорду М. Гейтсу, трасса 5, Овенсвилль, Миссисипи.

Патрульная машина пролетела мимо, синие мигалки горели, но сирена по-прежнему оставалась выключена. Коп их не заметил. Три донора сползли с сиденья, затаили дыхание и, лишь когда синие огоньки скрылись в темноте, медленно подняли головы.

Дом, который они выбрали, был погружен во тьму. Кругом стояла полная тишина. Лая собак слышно не было. Даже фонарь на крыльце не горел.

– Отличная работа, – пробормотал Роджер, и они снова задышали свободно.

– Нам крупно повезло, – прошептал Эгги.

Они смотрели на дом, прислушивались, нет ли движения на автостраде, и через несколько минут восхитительной тишины пришли к выводу, что им действительно крупно повезло.

– И сколько мы будем тут торчать? – спросил Кальвин.

– Недолго, – ответил Эгги, рассматривая окна дома.

– Кто-то едет, – сказал Кальвин, и троица снова нырнула

вниз. Через несколько секунд патрульная машина проехала в обратном направлении, сирена выключена, мигалка крутилась.

– Ищет нас, сукин сын, – пробормотал Роджер.

– А ты чего ждал? – бросил Эгги.

Когда шум патрульной машины затих вдали и все трое снова подняли головы, Роджер вдруг заявил:

– Надобно отлить.

– Только не здесь, – сказал Кальвин.

– Открой дверь!

– Неужели нельзя потерпеть?

– Никак.

Кальвин медленно приоткрыл дверцу, вышел, выпустил Роджера и стал наблюдать за тем, как тот на цыпочках приблизился к «форду» мистера Гейтса и начал писать на правое переднее колесо.

В отличие от мужа миссис Гейтс не могла похвастаться крепким сном. Она была уверена: ей не послышалось, что там, во дворе, кто-то есть.

И, проснувшись окончательно, убедилась в этом. Бьюфорд храпел уже целый час, но ей все-таки удалось пробудить его к жизни. Муж полез под кровать и достал дробовик.

Роджер все еще писал, когда в окошке кухни вспыхнул свет. Все трое доноров сразу это заметили.

– Беги! – прошипел Эдди через окно, потом схватил ключ, вставил в замок зажигания, повернул.

Кальвин вскочил в пикап, бормоча:

– Поехали, поехали!

Эгги перевел передачу в положение «Задний ход», нажал на педаль газа. Роджер подобрал спущенные штаны и бросился к «доджу». Перемахнул через борт и, больно ударившись, приземлился среди пустых пивных банок. Машина, набирая ход, помчалась к автомагистральной и успела поравняться с придорожным почтовым ящиком, когда на крыльце вспыхнул свет. Уже на асфальте Эгги притормозил, и тут дверь домика распахнулась, а на крыльце появился какой-то старик.

– Да у него ружье! – воскликнул Кальвин.

– Плохи наши дела. – Эдди сдал назад, вывернул руль, и на протяжении пятидесяти ярдов «додж», визжа покрывками, набирал скорость. Проехав примерно с миллю по автостраде, Эгги свернул на узкую сельскую дорогу и выключил мотор.

Все трое парней вышли, стали разминать затекшие мышцы, потом их вдруг разобрал смех. Едва спаслись... Смеялись они нервно, размахивали руками и притопывали, стремясь доказать самим себе, что ничуть не испугались. Потом стали гадать, где сейчас может быть патрульный автомобиль. Навели порядок в кузове, выбросили пустые банки в канаву. Прошло минут десять – копа на патрульной машине видно не было.

И тут Эгги озвучил очевидное:

– Вы как хотите, ребята, но нам надо добраться до Мем-

фиса.

Кальвин, которого куда больше влекло в «Десперадо», нежели в больницу, кивнул:

– Само собой. Уже довольно поздно.

Роджер застыл посреди дороги, а потом растерянно про-
бормотал:

– Я потерял бумажник.

– Что?

– Я обронил бумажник.

– Где?

– Да там. Должно быть, он выпал, пока я писал.

Оставалось надеяться, что в бумажнике Роджера не было ничего ценного: ни денег, ни водительских прав, ни кредитных карт, никаких записных книжек – ровным счетом ничего хорошего, кроме использованных презервативов. И Эгги уже хотел спросить: «А что там было?» – но не стал, поскольку знал: Роджер наверняка будет доказывать, что его несчастный бумажник был битком набит ценностями.

– Я должен найти его, – сказал он.

– Уверен? – спросил Кальвин.

– Да там у меня деньги, права, кредитные карточки – все!

– Но у старика ружье.

– Когда взойдет солнце, старик найдет мой бумажник, позвонит шерифу, тот свяжется с шерифом округа Форд, и тогда нам крышка! Дураки! Неужели не врубаетесь?

– Ну, знаешь, я свой бумажник не терял.

– Роджер прав, – сказал Эгги. – Он должен его найти. – От внимания его спутников не укрылось, что он особо подчеркнул слово «он». Не сказал «мы».

– Ты что, струхнул, что ли, толстяк? – спросил Роджер Кальвина.

– Ничего не струхнул. Потому как возвращаться туда не собираюсь.

– А мне показалось, струсил.

– Ладно, будет вам, – остановил спор Эгги. – Вот как мы поступим. Дождемся, пока старик снова уляжется в постель, потом потихонечку подъедем к дому, только не слишком близко, остановимся. Ты выйдешь, найдешь бумажник, ну и смотаемся оттуда по-быстрому.

– Да ничего у него в этом бумажнике нет! – сказал Кальвин.

– Могу побиться об заклад: денег там больше, чем во всех твоих бумажниках, вместе взятых. – Роджер наклонился, выудил из машины банку пива.

– Открывай, – сказал Эгги.

Они стояли возле пикапа, потягивали пиво, оглядывали пустую автостраду, а через пятнадцать минут, которые показались вечностью, сели в пикап. Роджер ехал в кузове.

Примерно в четверти мили от дома Эгги остановил машину на обочине и выключил мотор, чтобы слышать, будет ли кто-нибудь проезжать мимо.

– А поближе подогнать не мог? – осведомился Роджер,

подойдя к водительской дверце.

– Да тут рукой подать, – ответил Эгги. – Если подъеду ближе, хозяева могут слышать.

Все трое уставились на темную автостраду. Из-за облаков вынырнула половинка луны, затем снова скрылась.

– Пушка у тебя есть? – спросил Роджер.

– Пушка есть, – ответил Эгги. – Но ты ее не получишь. Быстренько до дома – и тут же обратно. Только тихо. Тоже мне, делов! Да старикан уже давно спит!

– Ты ведь не боишься, нет? – с надеждой спросил Кальвин.

– Нет, черт возьми! – И с этими словами Роджер скрылся в темноте.

Эгги снова завел машину, потом выключил фары и развернулся, встал по направлению к Мемфису. Снова выключил мотор, они опустили стекла и стали ждать.

– Он выпил целых восемь банок пива, – тихо сказал Кальвин. – Пьян в стельку.

– Но на ногах-то держится.

– Натренировался. А что, если старик все-таки поймает его?

– На Роджера мне плевать. Плохо, если из-за него мы с тобой попадемся.

– А кто его вообще позвал в Мемфис?

– Помолчи, а? Мы должны слушать дорогу.

Как только показался почтовый ящик, Роджер свернул с

дороги. Перепрыгнул через канаву и, пригибаясь, начал пробираться к дому через поле с бобами. Если старик все еще наблюдает, то наверняка глаз не спускает с дороги, правильно? А потому хитрюга Роджер решил подойти с тыла. Свет выключен. Маленький домик вновь погружен во тьму и тишину. Ни одна травинка не шелохнется, ни один комарик не пролетит. Оказавшись в тени дубов, Роджер лег на живот и пополз по мокрой траве. Вот он увидел «форд». Роджер замер за сараем, затаил дыхание и тут вдруг почувствовал – ему снова надо отлить. Нет, сказал он себе, с этим можно и подождать. Он гордился собой: удалось подобраться к цели незамеченным. А потом вдруг опять испугался – какого черта он сюда полез? Роджер глубоко вздохнул, низко пригнулся и продолжил путь к цели. Когда «форд» оказался между ним и домом, встал на четвереньки и двинулся вперед по мелкому гравию, устилавшему дорожку.

Двигался Роджер медленно, гравий похрустывал под ногами и руками. Он тихо чертыхнулся, ладони ныли и стали мокрыми. Вот и правое переднее колесо. Нащупав бумажник, он улыбнулся во весь рот, затем быстро сунул его в задний карман джинсов. Остановился, глубоко дыша, и начал отступление по тому же маршруту.

В тишине мистер Бьюфорд Гейтс слышал звуки: одни – вполне обычные, другие – вызванные необычными обстоятельствами и потому не совсем привычные. Олени вышли из леса, показалось ему. И наверное, подумал он, бродят по

участку в поисках ягод и травы. Потом он услышал нечто совсем другое. Медленно приподнялся из-за своего укрытия на крыльце, вскинул дробовик и два раза выстрелил в луну. Просто на всякий случай.

В полной тишине ночи звуки от выстрелов были подобны грому, эхо от них раскатилось на мили.

И тут со стороны автострады донесся визг шин. Бьюфорд был уверен: точно такой же звук он слышал двадцать минут назад, прямо перед своим домом.

Стало быть, они еще здесь, подумал он.

Миссис Гейтс открыла боковую дверь и окликнула мужа:

– Бьюфорд?..

– Вроде бы они тут, – сказал он, перезаряжая дробовик марки «Браунинг» шестнадцатого калибра.

– Ты их видел?

– Вроде бы.

– Что значит «вроде бы»? В кого стрелял?

– Слушай, шла бы ты домой, а?

Дверь захлопнулась.

Роджер залег под «форд» и не дышал, прижимая обе руки к паху. Он весь вспотел, пытаясь сообразить, стоит ли и дальше прятаться за коробкой передач, нависавшей над ним в нескольких дюймах, или же рискнуть – попробовать выползти из-под машины задом наперед и отступить по мелкому гравию. Он не двигался с места. От грохота выстрелов до сих пор звенело в ушах. Услышав визг шин, Роджер осы-

пал проклятиями своих трусливых дружков. Впрочем, сам он даже дышать боялся.

Потом Роджер услышал, как отворилась дверь. Прозвучал женский голос:

– Вот фонарик. Может, тогда увидишь, во что стреляешь.

– Иди домой, я сказал! И позвони шерифу.

Дверь снова захлопнулась, женщина ушла, но через пару минут вернулась:

– Я позвонила в офис шерифа. Мне сказали, Дадли выехал на патрульной машине. Гоняется за каким-то нарушителем.

– Неси сюда ключи от машины, – велел мужчина. – Выеду на автостраду, сам посмотрю.

– К чему это – разъезжать по ночам?

– Неси сюда чертовы ключи, кому говорят!

Дверь опять захлопнулась. Роджер попятился, и проклятый гравий ужасно закрипел. Тогда он попытался продвигнуться вперед, навстречу голосам, но шум выдавал его. И он решил повременить. Если пикап начнет отъезжать задом, он выждет до последней секунды, ухватится за передний бампер, как только он окажется у него над головой, и машина протащит его несколько футов. А потом надо вскочить на ноги и шмыгнуть во тьму. Если даже старикан что-то заметит, ему придется остановиться и потратить несколько секунд на то, чтобы достать свою пушку, выйти из машины и начать преследование. Но к тому времени он, Роджер, уже скроется в лесу. Итак, план есть, и он должен сработать. Но старик мо-

жет запросто переехать его, раздавить тяжелыми колесами, протащить за собой до автострады или просто пристрелить.

Бьюфорд сошел с крыльца и осветил вокруг фонариком. Миссис Гейтс приотворила дверь и крикнула:

– Я спрятала ключи! Никуда ты ночью не поедешь!

Умница девочка, подумал Роджер.

– Советую принести эти чертовы ключи! Быстро!

– Говорю, спрятала.

Бьюфорд что-то продолжал бормотать в темноте.

* * *

«Додж» с бешеной скоростью промчался по дороге несколько миль, прежде чем Эгги замедлил наконец ход и сказал Кальвину:

– Сам понимаешь, мы должны вернуться.

– Это почему?

– Если его застрелили, нам придется объяснять, что произошло, во всех подробностях.

– Надеюсь, застрелили. Ведь если так, говорить он не сможет. Выходит, и про нас ни слова не скажет. Поехали в Мемфис.

– Нет. – Эгги развернулся, и теперь они ехали в полном молчании до узкой дороги, где останавливались чуть раньше. Заглушили мотор у изгороди, вышли, уселись на капот и стали соображать, что делать дальше. А потом вдруг услы-

шали вой сирены, и по автостраде на большой скорости промчалась машина с синими мигалками.

– Если следом за ней едет «скорая», у нас большие проблемы, – заметил Эгги.

– И у Роджера тоже.

Услышав вой сирены, Роджер запаниковал, но по мере приближения звука понял: именно сирена поможет ему скрыться. Он нашел камешек, подполз к краю пикапа, размахнулся, как мог сильно, и запустил его в сторону дома. Раздался стук, а затем прозвучал голос мистера Гейтса:

– Что это было? – Старик бросился к боковому крыльцу.

Извиваясь как змея, Роджер выполз из-под машины, прополз мимо того места, где мочился на колесо, затем – по мокрой траве. Он как раз успел добраться до дубов, когда на сцену действия с ревом вкатила машина шерифа Дадли. Она резко затормозила и поехала по дорожке к дому, широкие шины с хрустом давили гравий. Этот шум и спас Роджера. Мистер и миссис Гейтс выбежали навстречу Дадли, а Роджер тем временем все дальше ускользал во тьму.

Через секунду оказался за живой оградой из кустарника, пробежал мимо старого амбара и затерялся в бобовом поле.

Прошло около получаса.

– Думаю, мы должны вернуться к дому и рассказать все как было, – заметил Эгги. – Заодно узнаем, что с ним.

– Но тогда нас могут обвинить в сопротивлении полиции и еще... в вождении в нетрезвом виде, – возразил Кальвин.

– Так что ты предлагаешь?

– Патрульный уже, наверное, уехал. «Скорой» не было, а это означает, что с Роджером все в порядке, где бы он сейчас ни находился. Наверное, спрятался, затаился. Думаю, можно разок проехать мимо дома, посмотреть, что и как, ну а потом уже – в Мемфис.

– Что ж, попробуем.

Они увидели Роджера на дороге – прихрамывая, тот брел в сторону Мемфиса. Обменявшись резкими словами, друзья решили продолжить путь. Роджер снова уселся посередине, Кальвин – у дверцы. Минут десять ехали в полном молчании. Все трое смотрели вперед. Все трое кипели от возмущения.

Лицо у Роджера было исцарапано до крови. Пахло от него потом и мочой, одежда пропиталась липкой грязью. Проехав несколько миль, Кальвин опустил боковое стекло. Еще через несколько миль Роджер спросил:

– Почему бы тебе не закрыть окно?

– Проветриваю машину, – ответил Кальвин.

Чтобы хоть как-то успокоить нервы, они остановились у придорожного магазина купить еще одну упаковку пива. Сделав несколько глотков, Кальвин спросил:

– Он стрелял в тебя?

– Не знаю, – ответил Роджер. – Я его не видел.

– Точно из пушки палили.

– Были бы вы там, со мной... вообще опупели бы! – сказал

Роджер.

И тут Эгги и Кальвин повеселели, начали смеяться. Роджер немного успокоился, а смех парней оказался настолько заразительным, что он тоже захохотал. Вскоре вся троица потешалась над старым идиотом с ружьем и над его женой, которая спрятала ключи от машины и тем самым спасла жизнь Роджеру. А при мысли о Дадли, местном шерифе, который наверняка до сих пор колесит по трассе со своей дурацкой мигалкой, они чуть со смеху не лопнули.

Эгги ехал по второстепенным дорогам, и когда одна из них пересекла автостраду под номером 78 неподалеку от Мемфиса, они свернули на нее и влились в поток движения на четырех полосах.

– Там, впереди, заправка, – сказал Роджер. – Мне надо умыться.

Заскочив в магазин, он купил себе футболку с надписью «NASCAR» и кепку-бейсболку, затем пошел в мужской туалет и долго отмывал лицо и руки. Когда он вернулся к машине, изменения в его внешности произвели глубокое впечатление на Эгги и Кальвина. И они снова тронулись в путь, навстречу огням большого города. Было почти десять вечера.

Рекламные щиты становились все больше, ярче и попадались все чаще, и хотя путешественники за последний час ни разу не упомянули «Десперадо», название это снова пришло на ум, когда впереди вдруг возник завораживающий образ молодой женщины с соблазнительными формами, прак-

тически выпадающей из скучного одеяния. Звали ее Тиффани, и она подмигивала и улыбалась потоку машин с огромного щита, рекламирующего «Десперадо», клуб для настоящих джентльменов, где работают самые лучшие, самые горячие стриптизерши на всем Юге. Замирая от восхищения, «додж» замедлил скорость.

Ноги с милою длиной, и совершенно голые, а прозрачный коротенький наряд, видно, пошит с тем расчетом, чтобы сбросить его можно было одним движением. Роскошные белокурые локоны, полные красные губы и затуманенный взор из-под длинных ресниц. Мысль о том, что такая красotka работает всего в нескольких милях отсюда и что они могут остановиться, совсем ненадолго, и увидеть ее во плоти, просто сводила с ума.

Несколько минут «додж» набирал скорость, они молчали. Затем Эгги сказал:

– Думаю, нам лучше поехать прямо в больницу. Может, Бейли уже умер.

Это было первое упоминание о Бейли за несколько часов.

– Больница работает круглосуточно, – заметил Роджер. – Никогда не закрывается. А вы что думали? Что они закроются на ночь и попросят всех разойтись по домам – так, что ли?

В знак поддержки Кальвин решил, что это страшно смешно, и заржал.

– Так вы хотите заскочить в «Десперадо», я правильно понял? – спросил Эгги, включаясь в игру.

– Почему нет? – откликнулся Роджер.

– А что, можно, – заметил Кальвин, потягивая пиво и представляя, как выглядит Тиффани в деле.

– Хорошо. Заедем, но только на час. А потом сразу в больницу, – сказал Роджер. После десяти банок пива говорил и мыслил он на удивление здраво.

Вышибала, дежуривший у дверей, окинул их подозрительным взглядом.

– Документы покажи, – грубо сказал он Кальвину, выглядевшему гораздо моложе двадцати одного года. Эгги выглядел на свой возраст, а Роджер, которому исполнилось двадцать семь, на все сорок. – Из Миссисипи, значит? – буркнул вышибала, точно с предубеждением относился ко всем жителям этого штата.

– Ага, – ответил Роджер.

– Так, десяточка сверху.

– Это потому что мы из Миссисипи? – спросил Роджер.

– Нет, умник. У нас все так платят. Не нравится – прыгайте в свой трактор и валите домой.

– Вы так любезны со всеми посетителями? – спросил Эгги.

– Угу.

Они отошли обсудить надбавку, потом решили остаться. Роджер объяснил, что неподалеку есть еще один клуб, но нет никакой гарантии, что там их ждет более радушный прием без надбавки. Пока они шептались и обсуждали, как посту-

пить, Кальвин украдкой косился на дверь в надежде увидеть Тиффани, хотя бы на секунду. Он проголосовал за то, чтобы остаться. Остальные присоединились.

И вот они вошли, и их обыскали двое еще более суровых и не улыбочивых охранников, а затем провели в основное помещение с круглой сценой в центре. На этой сцене находились две юные леди, одна белая, другая черная. Обе совершенно голые, они извивались в танце.

Увидев их, Кальвин так и застыл. Он тут же забыл о доплате в десять долларов.

Их столик находился в каких-то двадцати футах от сцены. Народу в клубе было не так уж и много, зал заполнен наполовину, все посетители молодые, типичные «голубые воротнички». Так что они оказались не единственными провинциалами, приехавшими в большой город. На официантке не было ровным счетом ничего, кроме стрингов. И когда она вдруг возникла перед столиком с коротким: «Что? Три напитка минимум», – Кальвин едва не потерял сознание. Никогда прежде ему не доводилось видеть столько запретной плоти сразу.

– Три напитка? – уточнил Роджер, заглядывая девичье в глаза.

– Да! – буркнула она.

– Сколько у вас пиво?

– Пять баксов бокал.

– И мы обязательно должны заказать три?

– По три на одного зараз. Таковы правила. Не нравится – перетрите вопрос с одним из наших ребят. – И она кивком указала на дверь, но все трое клиентов не сводили глаз с ее груди.

Итак, они заказали девять пива, по три на каждого, и принялись изучать обстановку. Теперь на сцене были уже четыре танцовщицы, все дружно извивались, громкая музыка сотрясала стены. Официантки торопливо проскальзывали между столиками, точно боялись, что их начнут лапать, задержись они хотя бы на секунду. Посетители по большей части были уже тепленькие, а некоторые – так просто пьяные в хлам, и страшно шумели. Вскоре начался танец на столе. Одна из официанток вскарабкалась на столик неподалеку от нашей троицы, и занялась привычным своим делом. Водители грузовиков совали ей за резинку стрингов наличные. Довольно быстро вокруг ее талии образовался целый венок из «зелени».

И вот перед ними возник поднос с девятью высокими и страшно узенькими бокалами. Пиво оказалось слабее самого слабого и больше походило на разбавленный лимонад.

– Итого сорок пять баксов, – сказала официантка, что вызвало среди друзей панику. Все трое долго шарили по карманам и бумажникам. И вот наконец удалось наскрести требуемую сумму.

– А как насчет приватного танца? – спросил официантку Роджер.

– Все зависит от...

– Он ни разу не видел ни одного. – И Роджер ткнул пальцем в Кальвина. Сердце у того екнуло.

– Двадцать баксов, – сказала она и назвала свое имя – Эмбер.

Роджер нашел двадцатидолларовую банкноту, протянул ей. И через секунду Эмбер взгромоздилась на Кальвина. Он весил 270 фунтов, и места на его коленях хватило бы небольшой труппе танцовщиц. Грянула музыка, Эмбер запрыгала и завертелась, а Кальвин просто закрыл глаза и стал думать, на что она похожа, настоящая любовь.

– Погладь ей ножку, – тоном знатока посоветовал Роджер.

– Прикасаюсь нельзя, – строго заметила Эмбер. Ее задница аккуратно примостилась между широких бедер Кальвина. Какие-то типы за соседним столиком наблюдали за сценой во все глаза, хихикали, а затем стали подстрекать Эмбер, советовали ей сделать что-то непристойное, и она старалась вовсю, играла на публику.

«Сколько это может продолжаться?» – спрашивал себя Кальвин. Широкий низкий лоб усеивали мелкие капельки пота.

И тут вдруг она резко развернулась и оказалась лицом к нему, продолжая дергаться и извиваться, и еще по крайней мере с минуту Кальвин держал эту милостивую голую дамочку на коленях. То был бесценный жизненный опыт. Кальвин уже никогда не станет прежним.

Но тут, к сожалению, песенка кончилась. Эмбер вскочила на ноги и понеслась обслуживать другие столики.

– Ты можешь увидеть ее позже, – сказал Роджер. – Тет-а-тет.

– Это как? – спросил Эгги.

– Тут у них есть маленькие комнатки. И там клиент может встретиться с девушкой, когда она закончит работу.

– Врешь.

Кальвин еще не обрел дара речи – казалось, был глух и нем – и не спускал глаз с мелькающей по залу Эмбер – она принимала заказы. Тем не менее он все слышал, и, когда музыка стихла, попросил Роджера поподробнее рассказать о комнатках. Там, только там, Эмбер будет принадлежать одному ему.

Они потягивали разбавленное пиво, разглядывали все прибывающих посетителей. К одиннадцати вечера в зале было не протолкнуться. А на сцену вышли еще несколько стриптизерш и танцевали на радость толпе. Кальвин ревниво и злобно наблюдал, как Эмбер прыгала на коленях у другого клиента, всего в каких-то десяти футах от него. А потом с удовлетворением отметил, что лицом к этому типу она развернулась всего на несколько секунд. Будь у Кальвина много денег, он бы засунул ей за резинку стрингов целую пачку баксов и протанцевал с ней всю ночь.

Проблемы с наличностью не замедлили сказаться. Во время очередного перерыва в музыке Кальвин, человек безра-

ботный, сообщил друзьям:

– Не знаю, сколько еще могу просидеть здесь. Пиво жутко дорогое.

Их пиво в бокалах, вмещающих не более восьми унций, почти кончилось, и они уже достаточно хорошо изучили повадки здешних официанток, чтобы понять: тому, кто ничего не заказывает, за столиком долго не просидеть. От клиентов требовалось много пить, давать щедрые чаевые и буквально осыпать деньгами девушек за исполнение танцев. Весьма доходное заведение этот стрип-клуб в Мемфисе.

– У меня есть немного, – сказал Эгги. – Наличными.

– У меня кредитные карты, – сказал Роджер. – Вы закажите еще разок, а я пойду отолю.

Он поднялся, какое-то время стоял, пошатываясь, затем исчез в дыму и толпе. Кальвин махнул рукой Эмбер и заказал еще пива. Та улыбнулась и одобрительно подмигнула ему. На самом деле Кальвину хотелось вовсе не разбавленной речной водой дряни. Нет, он жаждал физического контакта с этой замечательной девушкой, но, увы, не мог этого себе позволить. Тут впервые за долгое время он поклялся себе, что станет с удвоенной энергией искать работу и копить деньги, чтобы стать постоянным клиентом «Десперадо». Впервые в жизни у молодого Кальвина появилась цель.

Эгги посматривал на пол, под сиденье опустевшего стула Роджера.

– Этот придурок опять обронил бумажник, – сказал он и

поднял порядком потрепанное полотняное портмоне.

– Думаешь, у него есть кредитные карты? – спросил Эгги.

– Нет.

– Давай посмотрим. – Он осмотрелся, не идет ли Роджер, затем открыл бумажник. Просроченная карта скидок продуктового магазина, целая коллекция визиток – две от адвокатов, две от поручителей при выпуске из-под стражи под залог, одна из реабилитационной клиники, еще одна от полицейского патрульного. Между ними, сложенная аккуратно и плотно, пряталась банкнота в двадцать долларов. – Вот так сюрприз... – протянул Эгги. – Ни тебе кредиток, ни водительских прав.

– А ведь его из-за этого едва не пристрелили, – сказал Кальвин.

– Он идиот, ясно тебе? – Эгги закрыл бумажник и положил на сиденье стула.

Подали пиво. Тут как раз вернулся Роджер и увидел свой бумажник. Вместе они наскребли сорок пять долларов и даже умудрились выделить трешку на чаевые.

– А нельзя ли заказать приватный танец в кредит? – крикнул Роджер Эмбер.

– Нет! Только нал! – крикнула та в ответ и отошла от их столика.

– А какие у тебя кредитные карты? – спросил Эгги.

– Да их там целая куча, – заносчиво ответил Роджер, точно был богачом.

Кальвин, колени и ляжки которого до сих пор жгло как огнем, продолжал наблюдать, как его возлюбленная Эмбер скользит между столиками. Эгги тоже поглядывал на девушку, но и о времени не забывал. Интересно, сколько это займет – выкачать из человека пинту крови? Он понятия не имел. Близилась полночь. И хотя он всячески пытался отогнать эту мысль, перед глазами то и дело вставала его девушка. Она наверняка устроит жуткий скандал и будет швыряться вещами, стоит ей узнать об их небольшом отклонении от курса.

Роджер вырубился первым. Глаза закрылись, голова моталась из стороны в сторону.

– Ваше здоровье, – произнес он заплетающимся языком. Роджер пытался собраться с силами, но в глазах потемнело, и он ткнулся лицом в стол. В перерывах между песнями Кальвин успел перемолвиться словечком с двумя парнями за соседним столиком. Выяснилось, что легендарная Тиффани по четвергам не работает.

Пиво было допито, и Эгги заявил:

– Все, я уезжаю! Вы со мной, ребята?

Роджер никак не мог встать, и пришлось вдвоем поднимать его из-за стола. Они поволокли его к выходу, но тут подскочила Эмбер и спросила Кальвина:

– Малыш, ты что, меня покидаешь?

Тот кивнул, не в силах вымолвить и слова.

– Приходи еще, обязательно, – проворковала она вслед. – Я сразу поняла: ты крутой парень!

Один из вышибал ухватил Роджера за воротник и помог выбраться на улицу.

– Вы когда закрываетесь? – спросил его Кальвин.

– В три ночи, – ответил вышибала и указал на Роджера: – Но только его с собой больше не приводите.

– Кстати, а где здесь больница? – осведомился Эгги.

– Какая именно?

Эгги взглянул на Кальвина, Кальвин – на него; очевидно, что на этот вопрос ответа у них не было. Вышибала нетерпеливо ждал, затем сказал:

– В городе десять больниц. Вам в какую?

– Э-э... думаю, в ближайшую.

– Тогда это Лютеранская. Город знаешь?

– Конечно.

– Сразу видно. Проедете по Ламар до Парквей. От Парквей – до Поплар. А там и она, прямо за Восточной средней школой.

– Спасибо.

Вышибала махнул рукой и скрылся за дверью. Они потащили Роджера к пикапу, запихнули его на сиденье, затем примерно полчаса колесили по окраинам Мемфиса в безнадежных поисках Лютеранской больницы.

– Ты уверен, что нам нужна именно эта больница? – несколько раз спрашивал Кальвин.

И всякий раз Эгги отвечал по-разному: «Да», «Конечно», «Возможно» и «Разумеется».

Оказавшись в центре города, Эгги затормозил у обочины и подошел к таксисту, дремавшему за рулем.

– Никакой Лютеранской больницы у нас нет, – сказал таксист. – Есть Баптистская, Методистская, Католическая, Центральная, Милосердия и еще какие-то. Но только не Лютеранская.

– Тут их вроде бы десять.

– Если точно, то семь. А вы откуда будете?

– Из Миссисипи. Послушайте, где тут ближайшая больница?

– Больница Милосердия в четырех кварталах отсюда, по Юнион-авеню.

– Спасибо.

Они нашли больницу Милосердия и выбрались из машины, оставив Роджера в салоне в коматозном состоянии. В этой городской больнице принимали в основном жертв ночных уличных преступлений, жестоких домашних и гангстерских разборок, перестрелок с полицией, а также пострадавших от передозировки наркотиков, в результате вождения в пьяном виде. Почти все вышеупомянутые жертвы были чернокожими. К входу в отделение «Скорой помощи» то и дело подъезжали полицейские машины и реанимационные автомобили. Группы перепуганных людей, родственники пострадавших, толпились в коридорах, напоминая тюремные, в отчаянной надежде отыскать своих близких. Под сводами гулким эхом отдавались плач и громкие возгласы. Эг-

ги с Кальвином показалось, что прошагать пришлось целую милю, прежде чем они нашли регистратуру. Словно по чьему-то злому умыслу она была запрятана в самом дальнем конце бесконечных лабиринтов. За стойкой сидела молоденькая мексиканка. Она жевала жвачку и листала какой-то журнал.

– Скажите, у вас белых принимают? – вежливо спросил Эгги.

– Кого именно ищете? – холодно ответила она.

– Мы пришли сдать кровь.

– Донорский пункт дальше по коридору. – Она указала направление.

– Там открыто?

– Сомневаюсь. Для кого сдаете кровь?

– Для Бейли, – со вздохом ответил Эгги и покосился на Кальвина.

– Имя?.. – Девушка застучала по клавишам, глядя на монитор.

Эгги и Кальвин снова с недоумением переглянулись.

– Бейли – это и есть его имя, – ответил после паузы Кальвин.

– А я думал, фамилия. Ведь дома его называли Баком, правильно?

– Да, но фамилия его мамы Кодвелл.

– А сколько раз она была замужем?

Девушка переводила взгляд с одного парня на другого. Да-

же рот от удивления приоткрыла. Тогда Эгги посмотрел ей прямо в глаза и спросил:

– Есть кто-нибудь по фамилии Бейли?

Она снова защелкала клавишами, затем ответила:

– Да, мистер Джером Бейли, возраст сорок восемь лет, чернокожий, поступил с пулевым ранением.

– И больше никого?

– Нет.

– Тогда, может, есть кто-то по имени Бейли?

– Мы вводим данные в компьютер не по именам.

– Почему?..

Примерно часом раньше на стройплощадке на севере Мемфиса между двумя бандитскими группировками состоялась разборка со стрельбой. По некой неизвестной причине возобновилась она на стоянке перед больницей Милосердия. И Роджера, пребывавшего в полной отключке, вывели из этого состояния выстрелы, прогремевшие совсем близко. Мозг его отреагировал только через секунду или две, но прежде чем он врубился во второй раз, кто-то открыл стрельбу прямо по «доджу». Роджер приподнял голову, осторожно выглянул в окно рядом с пассажирским сиденьем и был потрясен. Он не понимал, где находится и как здесь оказался. Кругом рядами припаркованы машины, поблизости высокий паркинг, вообще здесь полно разных зданий, а чуть поодаль вспыхивают красные и синие огни.

Снова прогремели выстрелы, и Роджер нырнул вниз, уже окончательно потеряв душевное равновесие, и, лежа на полу, принялся шарить под сиденьем в поисках хоть какого-нибудь оружия. Ведь Эгги, равно как и любой другой парень из округа Форд, ни за что не отправится в путь, не прихватив с собой чего-нибудь для защиты. И Роджер знал: где-то здесь должен быть ствол. И оказался прав. Нашел под водительским сиденьем девятимиллиметровый пистолет-автомат «хаск» калибра с полной двенадцатизарядной обоймой. Он крепко сжал оружие в руке, даже поцеловал ствол от избытка чувств, затем быстро опустил стекло в окне рядом с пассажирским сиденьем и слышал чьи-то сердитые голоса, потом увидел автомобиль. Наверняка в нем бандиты. Машина подозрительно медленно двигалась между рядами.

Роджер пальнул дважды, ни в кого не попал, зато преуспел в другом: заставил бандитов изменить тактику. По «доджу» Эгги кто-то дал очередь из автомата. Со звоном вышибло заднее стекло, мелкие осколки разлетелись по всему салону. Пули прошли на волосок от головы Роджера, что заставило его вновь распластаться на полу. Затем он осторожно приоткрыл дверцу со стороны водителя, выскользнул из пикапа и, низко пригнувшись, зигзагом заметался среди припаркованных машин. За спиной снова послышались сердитые голоса, грянули выстрелы. Роджер продолжал метаться по автостоянке, низко пригнувшись, и бедра и колени у него ныли. В спешке он неудачно обежал две машины и врезался в пе-

редний бампер старого «кадиллака». С минуту сидел на асфальте, прислушиваясь, тяжело дыша, потев и чертыхаясь. Потом проверил – крови вроде бы нет. Медленно приподнял голову, увидел, что никто, похоже, его не преследует, но решил не рисковать. Продолжил пробираться между машинами, срезая углы, до тех пор пока не оказался на улице. Приближалась машина, а потому он поспешно убрал оружие в передний карман джинсов.

Даже Роджеру было ясно, что эта часть города представляет собой тюремную зону. В окнах зданий толстые решетки. Высокие железные изгороди увенчаны колючей проволокой. Проулки погружены во тьму, и заходить туда совсем не тянет. В какой-то момент просветления Роджер подумал: «Какого черта я здесь делаю?» Лишь оружие удержало его от паники, и он продолжал шагать по тротуару, пытаясь выработать хоть какой-то план действий, и в конце концов решил, что лучше все же вернуться к пикапу и дожидаться там друзей. Стрельба прекратилась. Возможно, на стоянке сейчас работает полиция и все кругом оцеплено. За спиной слышались голоса. Роджер быстро обернулся и увидел, что за ним быстро следуют несколько молодых чернокожих ребят. Роджер прибавил шагу. Камень упал прямо у его ног, запрыгал, откатился в сторону футов на двадцать. Стало очевидно, что настроены эти ребята враждебно. Роджер вытащил пистолет из кармана, положил палец на спусковой крючок и зашагал еще быстрее. Впереди показались огни. Он свернул

за угол и очутился на небольшой стоянке у магазина.

Прямо перед входом в него стояла машина, а за ней – двое, белые, мужчина и женщина. Они ссорились, орали друг на друга. Едва Роджер появился на сцене действия, как мужчина резко выбросил вперед правую руку. Кулак угодил женщине в лицо. Роджера даже замутило – звук удара в мягкую плоть показался тошнотворным. Он так и застыл как вкопанный, пытаясь хоть как-то упорядочить свои мысли.

Однако женщина приняла удар стойко и ответила на него хорошо натренированной комбинацией ударов. Одной правой разбила мужчине губы, затем применила апперкот левой снизу, прямо по яйцам. Мужчина заверещал как раненое животное и, согнувшись пополам, рухнул на асфальт. Роджер подошел ближе. Женщина подняла на него глаза, увидела пистолет, потом заметила выбегающую из темного переулка банду малолеток. Темнокожие. И ни одного белого поблизости, кроме этого странного парня с пушкой.

– У тебя неприятности? – спросила она.

– Вроде бы. А у вас?

– Теперь чувствую себя в большей безопасности. Водительские права есть?

– Конечно, – ответил Роджер и потянулся за бумажником.

– За мной. – Она прыгнула в машину, Роджер уселся за руль вместе со своим новым другом – пистолетом. Взвизгнули шины – и вот они уже мчатся по Поплар-авеню.

– Кто был тот парень? – спросил Роджер, то и дело по-

смаатривая на улицу в зеркало заднего вида.

– Мой дилер.

– Дилер?

– Ага.

– Решила его бросить?

– Послушай, почему бы тебе не убрать пушку? – предложила она. Только тут Роджер осознал, что до сих пор сжимает в левой руке пистолет, и положил его на сиденье между ними. Женщина тут же схватила оружие, прицелилась в Роджера и приказала: – Закрой пасть и гони.

Когда Эгги с Кальвином вернулись к пикапу, полиции на стоянке уже не было. Разинув рты, парни смотрели на повреждения, нанесенные «доджу», громко и смачно ругались и только потом заметили, что Роджера в машине нет.

– Он забрал мой «хаск», – пробормотал Эгги, порывшись под сиденьем.

– Вот идиот, сукин сын, – твердил Кальвин. – Да чтоб он сдох!

Они убрали осколки стекла с сиденья и отъехали, горя желанием как можно быстрее покинуть этот район Мемфиса. Коротко обменялись мнениями о том, стоит ли искать Роджера, и пришли к выводу, что он им уже давно стал поперек горла. Девушка-мексиканка из регистратуры в общих чертах описала, как добраться до Центральной больницы, и добавила, что их Бейли скорее всего там.

Дама в регистратуре Центральной сообщила, что по но-

чам донорский пункт не работает, открывается ровно в восемь утра, и что там придерживаются строгого правила не принимать кровь у добровольцев в состоянии интоксикации, будь то алкогольной или наркотической. Нет, у них в больнице на данный момент нет человека по имени или фамилии Бейли. Поскольку она просто-напросто их выпроваживала, словно из ниоткуда возник охранник в форме и попросил уйти по-хорошему. Они послушались, и он проводил их до дверей. На прощание Кальвин спросил его:

– Скажите, вы, случайно, не знаете, где можно продать пинту крови?

– На Уоткинс, неподалеку отсюда, есть банк крови.

– Думаете, он сейчас открыт?

– Да, работает круглосуточно.

– А как туда добраться? – поинтересовался Эгги.

Охранник указал направление, но предупредил:

– Только смотрите, поаккуратнее там. Туда толпами валят алкаши и наркоманы, когда им срочно требуются наличные. То еще местечко.

Банк крови оказался единственным в городе местом, которое Эгги нашел с первой же попытки, и ко времени, когда друзья остановились на улице, возле входа, оба надеялись, что заведение закрыто. Однако им не повезло. Приемная представляла собой мрачноватую небольшую комнату с пластиковыми стульями и разбросанными повсюду журналами. В углу, на полу, под журнальным столиком, лежал, свер-

нувшись калачиком, донор в состоянии той или иной интоксикации и, судя по всему, помирал. За столом в хирургических перчатках работал мужчина с мрачным лицом. Увидев пошедших, грубо осведомился:

– Чего надо?

Эгги откашлялся, покосился на умирающего под столиком и с трудом выдавил:

– Вы... э-э... здесь кровь покупаете?

– Можем заплатить за нее, можем принять бесплатно.

– Сколько?

– Пятьдесят баксов пинта.

Для Кальвина с двадцатью пятью долларами в кармане названная сумма означала: плата за вход с надбавкой, три бокала разбавленного пива и еще один восхитительный незабываемый приватный танец с Эмбер. Для Эгги с его восемнадцатью долларами и полным отсутствием кредитных карточек – еще один недолгий заход в стрип-клуб и бензин на обратную дорогу. О бедном Бейли оба позабыли напрочь.

Им протянули бланки. Пока Кальвин и Эгги их заполняли, мужчина спросил:

– Группа крови какая?

Вопрос вызвал полное недоумение. Друзья тупо переглянулись.

– Кровь какая? – нетерпеливо повторил мужчина.

– Красная, – ответил Эгги, а Кальвин громко расхохотался. Но это не вызвало и тени улыбки на лице медработника.

– Вы чего, ребята, пили? – осведомился он.

– Пиво, да и то самую малость, – ответил Эгги.

– Но лишнего за спиртное с вас не возьмем, – быстро повернул Кальвин, и тут уже они оба так и покатались со смеху.

– Какого размера иглу желаете? – спросил мужчина, и веселье их мгновенно покинуло.

Они дали расписки, что не страдают аллергией и инфекционными заболеваниями.

– Ну, кто первый?

Оба молчали.

– Мистер Эгнор, – сказал мужчина, – следуйте за мной.

И Эгги проследовал – вошел в большую квадратную комнату с двумя койками справа и тремя – слева. На одной из коек справа лежала пышногрудая белая женщина в тренировочном костюме и высоких ботинках на шнуровке. Из ее левой руки тянулась трубочка – прямо к прозрачному пластиковому пакету, до половины наполненному темно-красной жидкостью. Эгги посмотрел на трубочку, пакет, и только тут до него дошло, что в руку женщины воткнута игла. Он тотчас грохнулся в обморок, с громким стуком распростерся на плиточном полу.

Кальвин, сидевший на пластиковом стульчике у входной двери, нервно листал журнал и одним глазом то и дело косился на умиравшего в состоянии интоксикации. Он слышал шум в соседней комнате, но как-то не придавал этому значения.

Холодная вода и нашатырь привели Эгги в чувство, и он даже умудрился заползти на одну из коек. Рядом стояла крохотная женщина азиатского типа в белой маске. С сильным акцентом она уверяла, что ничего страшного нет, все будет нормально.

– Закройте глаза, – несколько раз повторила она.

– Вообще-то мне не так уж и нужны эти пятьдесят баксов, – пробормотал Эгги. Голова страшно кружилась.

Женщина, похоже, не поняла его. А когда поставила рядом на столик поднос с инструментами, Эгги взглянул на него всего раз и почувствовал, что сейчас снова потеряет сознание.

– Закройте глаза, пожалуйста, – сказала она и начала протирать ему левую руку в изгибе локтя спиртом. От запаха Эгги замутило.

– Можете взять эти деньги себе, – пробормотал Эгги. И в этот момент женщина вытащила откуда-то большую черную повязку или маску, надвинула ему на лицо, и мир померк.

В приемную вошел санитар. Кальвин тут же вскочил.

– Следуйте за мной, – строго распорядился мужчина, и Кальвин повиновался. Войдя в просторную квадратную комнату, он увидел женщину в высоких ботинках на койке справа, а на койке слева – Эгги в какой-то странной маске на лице и тоже грохнулся в обморок. Упал на плиточный пол примерно в том же месте, где всего несколько минут назад лежал его друг.

– Кто эти клоуны? – осведомилась женщина в высоких ботинках.

– Парни из Миссисипи, – ответил санитар, нависая над Кальвином в ожидании, когда он придет в себя. И снова холодная вода и нашатырь сделали свое дело.

Эгги прислушивался к происходящему, ничего не видя.

И вот наконец две пинты были получены. Сто долларов перекечевали из одних рук в другие. В десять минут третьего изрядно потрепанный в боях «додж» въехал на стоянку перед клубом «Десперадо» – двое храбрецов прибыли за час до окончания действия. Крови в них поубавилось, зато прибавилось тестостерона, и, выплачивая надбавку в десять баксов, они искали взглядом лживого вышибалу, который отправил их в Лютеранскую больницу. Но того видно не было. Народу в зале стало меньше, девушки выглядели устало. На сцене крутилась всего одна стриптизерша в годах.

Их подвели к столику неподалеку от того места, где они сидели в первый раз. Буквально через несколько секунд появилась Эмбер. Подошла и спросила:

– Что будете, мальчики? По три напитка минимум.

– Мы вернулись, – гордо заявил ей Кальвин.

– Молодцы. Так что будете?

– Пиво.

– Секундочку. – И она удалилась.

– Вроде бы она нас не помнит, – разочарованно протянул Кальвин.

– Дай двадцать баксов сверху, сразу вспомнит, – предложил Эгги. – Ты ведь не собираешься тратить бабки на еще один приватный танец, или как?

– Может, и собираюсь.

– Такой же дурак, как и Роджер.

– Ну нет, глупее его не бывает. Интересно все же, где он?

– Плывет по реке с перерезанным горлом.

– И что скажет его папаша?

– Скажет: «Мальчик всегда был глуп как пробка». Откуда, черт возьми, мне знать, что он там скажет? Да и не все ли равно?

В противоположном углу зала сидела в изрядном подпитии компания каких-то мужчин в черных костюмах. Один из них обнял за талию официантку, девушка ловко вывернулась. Тут же возник вышибала, ткнул пальцем в обидчика и строго предупредил:

– Девочек не лапать, ясно?

«Черные костюмы» так и покатались со смеху. Словом, веселье не утихало.

Но вот пришла Эмбер с шестью бокалами пива на подносе, и Кальвин не удержался, спросил:

– Как насчет приватного танца?

Она нахмурилась, потом ответила:

– Может, позже. Очень устала. – И с этими словами исчезла.

– Просто хочет сэкономить твои деньги, – сказал Эгги.

Кальвин был раздавлен. Несколько часов он жил воспоминаниями о том сладостном моменте, когда Эмбер, оседлав его толстые ляжки, прыгала и изгибалась под музыку. Он до сих пор чувствовал ее, словно вновь трогал, даже ощущал слабый запах дешевеньких духов.

Тут на сцене возникла довольно крупная, бесформенная молодая девушка и принялась танцевать – очень плохо. Вскоре она разделась, но особого внимания даже этим не привлекла.

– Ночная смена, что с них взять, – пробормотал Эгги. Но Кальвин не откликнулся – провожал глазами Эмбер, сновававшую между столиками. Она определенно двигалась медленнее, чем прежде. Пришло время расходиться по домам.

И тут, к явному неудовольствию Кальвина, один из «черных костюмов» все же ангажировал Эмбер на танец. Девушка ожила и вскоре увлеченно задергалась, завертелась у него на коленях, а друзья счастливчика увлеченно, на все лады комментировали действие. Эмбер окружали разгоряченные выпивкой наглецы. И тут один из них – тот, с кем она танцевала, – потерял над собой контроль. Вопреки правилам клуба, в нарушение муниципальных законов Мемфиса, он протянул обе руки и ухватил девушку за груди. Это было чудовищной ошибкой с его стороны.

В какую-то долю секунды сверкнула вспышка фотокамеры и кто-то произнес:

– Полиция нравов! Вы арестованы! – Эмбер соскочила с

колен обидчика, выкрикивая проклятия в адрес его «грязных лап». И поскольку все это время вышибалы пристально наблюдали за подвыпившей компанией «черных костюмов», они тут же оказались у столика. Два копа в штатском бросились вперед. Один держал фотокамеру, другой повторял:

– Полиция нравов Мемфиса! Полиция нравов Мемфиса!

Кто-то крикнул:

– Копы! – И все кругом начали толкаться, пихаться, выкрикивать непристойности.

Музыка смолкла. Посетители кинулись на улицу. Первые несколько секунд все было под контролем, а затем Эмбер вдруг споткнулась и упала через стул. Она завопила при этом таким тоненьким жалобным голосом, что Кальвин не выдержал, метнулся в самую сердцевину заварушки, там и нанес первый удар. Мишенью он выбрал типа, который бесстыдно лапал его девочку, изо всей силы врезал ему по губам. В этот момент по меньшей мере человек десять-одиннадцать, половина из них пьяные в стельку, словно с цепи сорвались и начали лупить кого ни попадя. Вышибала довольно сильно ударил Кальвина, и тут уже Эгги просто не мог не вмешаться.

«Черные костюмы» яростно отбивались от вышибал, копов и разгоряченных посетителей. Кто-то схватил бокал с пивом и запустил в столик, за которым сидела парочка пожилых пьянчужек, которые до сих пор никак себя не проявляли, ну разве что сопровождали одобрительными возгласами любого, кто наносил удачный удар, однако разбившийся

о столик бокал привел их в ярость. Они тоже бросились в драку.

На улице, у входа в «Десперадо», двое полицейских в форме терпеливо ждали, когда начнут выносить пострадавших в результате рейда полиции нравов, но, услышав шум и крики внутри, бросились на помощь своим. Увидев, что сражение развернулось нешуточное, они тут же достали дубинки и начали выискивать подходящие для ударов черепа. Эгги попался под руку первым, и, пока лежал на полу, коп усердно орудовал дубинкой. Бедняга потерял сознание. Все кругом было усыпано битым стеклом. Дешевые столики и стулья оказались перевернуты и сломаны. Двое пожилых выпивох схватили деревянные ножи от стульев и набросились на вышибал. Травмы и раны множились до тех пор, пока копы вместе с вышибалами не взяли наконец ситуацию под контроль. Постепенно они утихомирили и парней в черных костюмах, и старых пьяниц, и гостей из округа Форд, и еще нескольких участников сражения. Повсюду видна была кровь – на полу, на рубашках и пиджаках и, особенно, на руках и физиономиях.

Прибыло полицейское подкрепление, затем подъехали машины «скорой». Эгги был без сознания и быстро терял то, что осталось от его оскудевшего запаса крови. Медиков встревожило состояние Эгги, потому его забрала первая же машина. Его увезли в больницу Милосердия. Один из «черных костюмов» тоже получил изрядную взбучку от копа с ду-

бинкой и, как Эгги, потерял сознание. Его увезли второй машиной. На Кальвина надели наручники, затем втолкнули на заднее сиденье полицейского автомобиля, где вскоре к нему присоединился какой-то рассерженный мужчина в сером костюме и белой рубашке, насквозь пропитанной кровью.

Правый глаз у Кальвина заплыл, однако левым он все же успел заметить пикап Эгги, одиноко застывший на стоянке.

Через пять часов Кальвину наконец разрешили позвонить по таксофону окружной тюрьмы Шелби в Бокс-Хилл, матери. Не вдаваясь в детали, он сообщил, что находится в тюрьме, что его обвиняют в сопротивлении полиции, а это, если верить одному из соседей по камере, тянуло лет на десять тюремного заключения. Он сообщил также, что Эгги находится в больнице Милосердия с проломленным черепом. А вот где теперь Роджер, он понятия не имеет. О Бейли Кальвин вообще не упомянул.

Этот телефонный звонок переполюшил всю общественность маленького городка, и примерно через час в Мемфис выехала машина с друзьями, твердо намеренными разобраться, что же произошло. Они узнали, что Эгги сделали операцию по удалению гематомы головного мозга и что его тоже обвиняют в сопротивлении полиции. Врач сказал семье, что парня продержат в больнице еще неделю, это как минимум. Страховки у семьи не оказалось. Пикап забрали полицейские, а процедуры, связанные с его возвращением владельцу, требовали выполнения практически невыполни-

МЫХ УСЛОВИЙ.

Родные Кальвина узнали, что парня могут выпустить под залог в пятьдесят тысяч долларов – суммы для них совершенно нереальной, неподъемной. И если не удастся собрать достаточно денег, чтобы нанять хорошего адвоката из Мемфиса, защищать Кальвина будет предоставленный властями бесплатный законник. Только к концу дня дяде наконец разрешили поговорить с Кальвином в тюремной комнате для свиданий с родственниками. На парне был оранжевый спортивный костюм, оранжевые резиновые шлепанцы для душа, и выглядел он просто ужасно. Лицо распухшее, сплошь в синяках, правый глаз заплыл. Он был испуган, подавлен и не слишком вдавался в детали происшествия.

А о Роджере по-прежнему не было слышно.

Через два дня пребывания в больнице Бейли быстро пошел на поправку. Да, правая нога оказалась сломана, но не раздавлена, остальные повреждения сводились к небольшим порезам и синякам. Его работодатель сам нанял машину «скорой», и уже в субботу, около полудня, Бейли вывезли из Методистской больницы Мемфиса и доставили домой, к матери, в Бокс-Хилл, где его приветствовали, как отпущенного на свободу военнопленного. И лишь позже, через несколько часов, он узнал об усилиях, предпринятых его друзьями, чтобы сдать кровь и помочь ему.

Еще через восемь дней домой прибыл Эгги, для долечивания. Врач обещал, что парень непременно поправится, про-

сто понадобится время. Адвокат умудрился свести все обвинения к простому участию в драке. С учетом повреждений, нанесенных парню полицией, это было справедливо. Эгги навестила любимая девушка, но лишь для того, чтобы сказать: между ними все кончено. Легенда о дорожных подвигах друзей и их развлечениях в стрип-клубе Мемфиса будет преследовать их вечно, как она решила, а потому и речи быть не могло о продолжении отношений. Сыграли свою роль и слухи о том, что Эгги, получивший удар по черепушке, наверняка тронулся умом. К тому же его девушка уже успела положить глаз на другого парня.

Кальвин вернулся в округ Форд три месяца спустя. Его адвокату удалось изменить обвинение в серьезном уголовном преступлении на обвинение в судебно-наказуемом проступке. И в результате Кальвина приговорили к трем месяцам исправительных работ на тюремной ферме в округе Шелби. Парень был далеко не в восторге, но перспектива предстать перед мемфисским судом и вновь встретиться там с полицией Мемфиса пугала еще больше. Если его сочли бы виновным в нападении на представителя власти при исполнении, пришлось бы просидеть за решеткой несколько лет.

К удивлению всех и каждого, в последующие за этой историей дни никакого окровавленного трупа Роджера Такера не было найдено ни в одном из глухих переулков Мемфиса. Мало того, его вообще не нашли, ни живым, ни мертвым. Да и не очень-то искали. Примерно через месяц после памя-

ной поездки он вдруг позвонил отцу из телефона-автомата в предместьях Денвера. Сказал, что путешествует по стране автостопом, один, и прекрасно проводит время. Еще через два месяца его арестовали в Спокейне за кражу в магазине и приговорили к шестидесяти дням заключения в местной городской тюрьме.

Роджер вернулся домой примерно через год.

Поездка за Реймондом

Мистер Макбрайд владел небольшой мастерской по обивке мебели. Размещалась она в бывшем ледохранилище на Ли-стрит, в нескольких кварталах от площади в центре Клэнтона. Для перевозки диванов и кресел он использовал белый фургон «форд», по борту которого тянулась надпись: «МАКБРАЙД – ОБИВКА МЕБЕЛИ», выведенная крупными черными буквами, а под ней – номер телефона и адрес. Этот фургон, всегда чистенький и никуда особенно не торопящийся, стал неотъемлемой частью пейзажа Клэнтона, а мистер Макбрайд – человеком известным, поскольку другого обивщика в городе не было. Он редко одалживал свой фургон, хотя подобные просьбы поступали чаще, чем ему хотелось бы. Обычно он отделывался вежливым: «Нет, вы знаете, как раз сегодня у меня доставка».

А вот Леону Грейни он не отказал, и поступил так по двум причинам. Во-первых, обстоятельства, связанные с этой просьбой, можно было назвать необычными. Во-вторых, босс Леона на фабрике по производству ламп доводился Макбрайду троюродным братом. А с родственными отношениями в маленьком городке следует считаться. И вот, как договорились, Леон Грейни прибыл в мастерскую в среду, ровно в четыре, жарким июльским днем.

Большинство обитателей округа Форд слушали радио, а

потому всем было известно, что в семье Грейни далеко не все благополучно.

Мистер Макбрайд вместе с Леоном подошел к фургону, протянул ему ключ и сказал:

– Теперь ты за него в ответе.

Леон взял ключ и кивнул:

– Премного обязан.

– Бак я заполнил. Чтобы доехать туда и обратно, бензина потребуется много.

– Сколько я тебе должен?

Мистер Макбрайд покачал головой, затем сплюнул на траву возле машины.

– Ничего. За бензин плачу я. Просто пригонишь обратно с полным баком.

– Нет, мне было бы удобнее заплатить, – возразил Леон.

– Не пойдет.

– Что ж, тогда спасибо.

– И смотри, чтобы завтра к полудню фургон был здесь. Он мне нужен.

– Без вопросов. Не возражаешь, если я оставлю здесь свою машину? – Леон кивком указал на старенький японский пикап, примостившийся меж двух автомобилей на стоянке через улицу.

– Не возражаю.

Леон открыл дверцу и сел за руль. Завел мотор, поправил зеркала, устроился на сиденье поудобнее. Мистер Макбрайд

подошел к дверце со стороны водителя, закурил сигарету без фильтра. Он стоял и смотрел на Леона.

– Знаешь, кое-кому здесь это может и не понравиться, – заметил он.

– Спасибо за предупреждение. Но эти здешние «кое-кто» меня не волнуют – Леон был озабочен и не в настроении разводить пустую болтовню.

– Лично я считаю, это неправильно.

– Еще раз спасибо. Верну к полудню, – тихо произнес Леон, сдал назад и вскоре уже ехал по улице. Он проверил тормоза и стал постепенно поддавать газу, желая понять, на что способна машина. И вот уже через двадцать минут оказался довольно далеко от Клэнтонна, на дороге, вившейся среди холмов северной части округа Форд. Стоило миновать поселок Плезант-Ридж, как дорога из асфальтовой превратилась в насыпную, из гравия, дома становились все меньше, расстояния между ними – все больше. Вскоре Леон свернул на короткую дорожку к домику, напоминавшему коробку. У крыльца бурно разрослись сорняки, черепичная крыша давно нуждалась в ремонте. Это был родной дом Грейни. Тут он родился и вырос вместе со своими братьями – единственная константа в их печальной и хаотичной жизни. От боковой двери отходил полусгнивший дощатый настил – это чтобы его мать, Инесс Грейни, могла выбираться из дома в инвалидной коляске.

Ко времени когда Леон выключил мотор, боковая дверь

уже отворилась и Инесс выкатили по настилу во двор. За спиной у нее маячил внушительный средний сын Бутч, который до сих пор жил с ней, наверное, потому, что просто не знал, какво это – жить на свободе. Шестнадцать из сорока шести лет он провел за решеткой, и весь его вид напоминал о криминальном прошлом: волосы собраны в длинный конский хвост, в ушах серьги в виде болтов, физиономия небрита, массивные бицепсы и множество дешевых татуировок, сделанных тюремным художником в обмен на несколько пачек сигарет. Несмотря на прошлое, Бутч обращался с матерью и ее инвалидной коляской бережно, можно сказать, нежно, и что-то тихо говорил ей, пока они спускались по настилу.

Леон смотрел на них и ждал, затем подошел к фургону, открыл задние дверцы. И вот они с Бутчем осторожно подняли мать вместе с коляской и погрузили в машину. Бутч продвинул коляску вперед, до консоли, отделявшей два узких боковых сиденья, прикрепленных к полу. Там Леон закрепил коляску с помощью двух широких полотняных ремней, которые Макбрайд оставил в машине. И вот, убедившись, что мать в безопасности, братья уселись на переднее сиденье. Путешествие началось. Через несколько минут они выехали на асфальтовую дорогу и покатали вперед. Их ждала долгая ночь.

Инесс было семьдесят два. Мать троих сыновей, бабушка как минимум четырех внуков, одинокая женщина слабо-

го здоровья, она не помнила в своей жизни ни одного счастливого дня. Хотя сама она считала себя одинокой на протяжении вот уже тридцати лет, формально таковой не являлась, ибо не была официально разведена с ничтожным созданием, изнасиловавшим ее, когда ей было семнадцать, а потом женившимся на ней, как только ей стукнуло восемнадцать. Этот человек помог ей родить трех сыновей, а затем исчез, загадочно и бесповоротно. Может, к счастью. Инесс изредка молилась и никогда не забывала при этом попросить Создателя сделать так, чтобы Эрни держался от нее подальше, оставался там, куда занесла его беспутная и безрадостная жизнь. Если, конечно, он был еще до сих пор жив, если не настигла его внезапная и заслуженная смерть, о чем она часто мечтала, но просить об этом Господа не осмеливалась. Эрни до сих пор был виноват во всем – в том, что она больна и бедна, в том, что ей не удалось достичь хоть какого-то положения, в том, что живет так уединенно и не имеет друзей, а семья ее – предмет всеобщих насмешек. Но самые горькие упреки Эрни получал за отвратительное отношение к трем сыновьям. Хотя в целом даже хорошо, что он их бросил, иначе бы избивал с утра до вечера.

Ко времени когда они выехали на федеральную трассу, всем троим срочно понадобилось выкурить по сигарете.

– Думаю, Макбрайд будет не против, если мы перекурим? – осведомился Бутч и полез в карман. В день он выкуривал по три пачки.

– Да здесь кто-то уже курил, – заметила Инесс. – Все насквозь табачищем провоняло. Кондиционер включен, Леон?

– Да, но его не почувствуешь, если окна не закрыты.

И вот вскоре все трое, забыв о мистере Макбрайде, дружно задымили в машине с опущенными стеклами, и теплый ветерок врвался в салон и взвихривал клубы дыма. Впрочем, внутри ни других окошек, ни вентиляции – словом, ничего, способствующего изгнанию дыма, не было, так что вскоре всех троих Грейни окутывали его сизоватые клубы, а они продолжали садить одну сигарету за другой, смотрели на дорогу, а фургон знай себе катил по сельской местности. Время от времени Бутч и Леон стряхивали пепел в окна, Инесс же деликатно сбрасывала в сложенную чашечкой ладонь.

– И сколько этот Макбрайд с тебя взял? – спросил Бутч.

Леон покачал головой:

– Да нисколько. Даже бак заправил до отказа. Сказал, ему ничего не надо. И еще заявил, что многие этого не одобрили бы.

– Что-то мне не верится.

– Хочешь – верь, хочешь – нет.

Накурившись вдоволь, Леон и Бутч подняли стекла, а затем стали возиться с кондиционером. Горячий, пропитанный дымом воздух постепенно уходил наружу, стало прохладнее. Все трое вспотели.

– Как ты там, в порядке? – спросил Леон, взглянул через

плечо и улыбнулся матери.

– В полном. Спасибо тебе. Как там, кондиционер работает?

– Да, уже стало прохладнее.

– Что-то я не почувствовала.

– Хочешь, остановимся, купим содовой или еще чего-нибудь?

– Нет. Надо торопиться.

– А я, пожалуй, выпил бы пивка, – сказал Бутч. Но Леон лишь отрицательно помотал головой, а Инесс строго и коротко бросила:

– Нет. Никакой выпивки. – Так она положила конец дискуссии.

Эрни, покинувший дом и семью много лет назад, не взял с собой ничего, кроме пистолета да нескольких тряпок. Зато не забыл забрать все спиртное из своих личных запасов. Во хмелю он отличался особенно буйным нравом – у его сыновей до сих пор остались с тех времен шрамы, физические и душевные. Леону, как старшему, доставалось больше остальных, а потому с раннего детства алкоголь был связан для него с ужасами насилия со стороны отца. Сам он спиртного в рот не брал, у него имелись другие отдушины, а вот Бутч начал выпивать еще подростком, причем всерьез, хотя ни разу так и не осмелился принести спиртное в дом матери. Реймонд, самый младший из братьев, пошел скорее по стопам Бутча, нежели Леона.

Желая сменить столь неприятную тему, Леон начал расспрашивать мать о последних новостях, в том числе и о подруге, старой деве, которая жила через дорогу от нее и вот уже несколько лет умирала от рака. И тут Инесс, как всегда, пустилась в рассуждения о пользе разных мазей и пилюль, которыми лечились ее соседи и она сама. Кондиционер наконец, что называется, «прорвало», и влажность и духота в машине уменьшились. Перестав потеть, Бутч полез в карман, выудил сигарету, прикурил и опустил боковое стекло, сделав маленькую щелку. В кабину тотчас ворвалась жара. И вскоре все трое опять дымили, и опускали стекла все ниже и ниже, и воздух вновь сгустился от жара и дыма.

Загасив окурок, Инесс сказала Леону:

– Реймонд звонил. Два часа назад.

Это не было сюрпризом. Вот уже на протяжении нескольких дней Реймонд звонил, причем не только матери. Телефон у Леона трезвонил так часто, что жена (уже третья по счету) перестала снимать трубку. Другие обитатели городка тоже последовали ее примеру.

– И что сказал? – осведомился Леон, хотя на самом деле ему это было неинтересно. Он точно знал, что говорил Реймонд, пусть и не дословно, конечно, но общий смысл был ясен.

– Сказал, что перспективы вроде бы неплохие, даже отличные, что, возможно, ему придется уволить целую команду, чтобы нанять новых людей. Ну, ты Реймонда знаешь. Го-

ворит им, что надо делать, и те просто из кожи лезут вон.

Не оборачиваясь, Бутч покосился на Леона, тот ответил понимающим взглядом. Оба слишком хорошо знали ситуацию, а потому слова были не нужны.

– Сказал, что новая команда прибывает из Чикаго, из фирмы, на которую пашет тысяча адвокатов. Можете себе представить?.. Целая тысяча адвокатов, и все работают на Реймонда! А он говорит им, что надо делать.

Водитель и пассажир вновь переглянулись. У Инесс была катаракта, и периферическое зрение ее подводило. Если бы она видела, какими взглядами обменялись два старших сына, то едва ли испытала восторг.

– Сказал, что обнаружили какие-то новые доказательства, которые следовало представить в суде. Но их не представили, потому что копы и обвинители все утаили. Зато теперь с этими новыми доказательствами у Реймонда есть шанс добиться повторного рассмотрения дела, уже у нас в Клэнтоне. Правда, он еще до конца не уверен, что хочет этого, а потому процесс может состояться где-то в другом месте. Он считает, лучше всего перенести рассмотрение в Дельту, поскольку судьи в Дельте по большей части черные, а он говорит, что черные более благосклонно относятся к таким делам. Ну что ты на это скажешь, Леон?

– То, что в Дельте больше черных, это очевидно, – заметил Леон.

Бутч проворчал нечто нечленораздельное.

Леон продолжил:

– И еще он сказал, что не доверяет никому в округе Форд, особенно юристам и судьям. Одному Господу известно, почему они не дают нам покоя.

Леон и Бутч закивали в знак согласия. Обоих изрядно потрепали законники округа Форд. Ну, Бутчу, конечно, досталось больше, чем Леону. И хотя братьев признали виновными в мошенничестве, связанном с договорными сделками, оба считали: их осудили лишь потому, что они Грейни.

– Не знаю, перенесу ли я еще один суд, – добавила Инесс и умолкла.

Леона так и подмывало сказать, что шансы Реймонда добиться нового рассмотрения дела равны нулю, что он вот уже десять лет только и талдычит о каком-то новом процессе. Бутчу хотелось сказать примерно то же самое и еще добавить: его просто тошнит от этого беспрестанного хвастовства Реймонда насчет каких-то там крутых адвокатов и новых доказательств. Парню давно пора перестать винить всех и каждого и начать наконец принимать пилюли.

Но ни тот ни другой не произнесли ни слова.

– И еще он говорил, что ни один из вас не подкинул ему денег за последний месяц, – добавила Инесс. – Это правда?

Еще миль пять они проехали в полном молчании.

– Вы слышали меня или нет? – спросила Инесс. – Реймонд сказал, вы ничего не перевели ему за июнь, а теперь уже июль. Просто забыли или как?

Леон взорвался первым:

– Забыли? Как это мы могли забыть? Я получал от него по письму каждый день, а иногда и по два зараз, все, конечно, не читал, но в каждом упоминались деньги. «Спасибо за стипендию, брат», «Не забудь подкинуть мне денжат, Леон, я рассчитываю на тебя, большой старший брат». «Мне нужны деньги оплатить услуги адвокатов, сам знаешь, сколько они дерут, эти кровопийцы». «Что-то в этом месяце стипендии от тебя не поступало, братишка».

– А что это за хрень, стипендия? – осведомился Бутч, сидевший справа. В голосе прорезались нотки тревоги.

– Согласно словарю «Вебстер», это регулярная или фиксированная выплата, – ответил Леон.

– Короче, просто бабки, верно?

– Верно.

– Так почему бы ему так и не написать: «Пришли мне чертовых денег!» Или: «Где чертовы бабки?» К чему употреблять такие выпендренные словечки?

– Мы уже тысячу раз говорили на эту тему, – сказала Инесс.

– Это ведь ты послал ему словарь, – заметил брату Леон.

– Да, было. Лет десять назад. Он очень меня просил.

– Ну, стало быть, он и пользуется этим словарем, выискивает всякие словечки.

– Знаешь, мне тут в голову пришло: может, эти адвокатишки просто не понимают его? Ну, эти его новые слова? –

задумчиво произнес Бутч.

– Давайте сменим тему, – предложила Инесс. – Почему в прошлом месяце вы не выслали ему стипендию?

– Мне казалось, я выслал, – не слишком уверенно проорочил Бутч.

– Что-то слабо верится.

– На почте можно уточнить, – сказал Леон.

– И тебе тоже не верю. Мы же договорились: каждый будет высылать ему по сто долларов в месяц. В году, как известно, их двенадцать. Это самое меньшее, что мы можем для него сделать. Конечно, это тяжело, особенно для меня, ведь я живу на социальное пособие, но у вас, мальчики, есть работа, вы уж как-нибудь можете выделить по сто баксов для младшего брата, чтобы он купил себе нормальной еды и оплачивал услуги адвокатов.

– Ну сколько можно, неужели не надоело? – воскликнул Леон.

– А я каждый день это слышу, – сказал Бутч. – Если не от Реймонда по телефону, то от мамочки.

– Это что, жалоба? – вспыхнула Инесс. – Забыл, что живешь в моем доме бесплатно? И еще смеешь на что-то жаловаться?

– Прекрати, – попросил Леон.

– А кто о тебе заботится? – обиженно заметил Бутч.

– Хватит вам. Надоело!

Все трое глубоко вздохнули и снова потянулись к сигарете.

там. После долгого спокойного перекура начался новый раунд. Зачинщицей выступила Инесс:

– Вот лично я никогда не пропускаю и месяца. И если помните, не пропустила ни одного месяца, когда вы оба торчали за решеткой в Парчмене.

Леон чертыхнулся, хлопнул ладонью по рулевому колесу и сердито сказал:

– Мама, это было двадцать пять лет назад. К чему снова об этом говорить? С тех пор никаких нарушений закона, ну разве что штраф один раз выписали за превышение скорости, сразу после того как меня выпустили на поруки.

Бутч, чья преступная жизнь была куда пестрее и разнообразнее, чем у Леона, и который до сих пор находился на условно-досрочном, решил промолчать.

– Лично я и месяца не пропустила, – повторила мать.

– Да хватит тебе!

– А иногда даже посылала по двести долларов, поскольку, если помните, вы двое сидели одновременно. Наверное, еще повезло, что за решетку не угодили все трое сразу. Тогда бы за свет просто нечем было платить.

– А я думал, адвокаты работают бесплатно, – заметил Бутч в надежде отвлечь внимание от своей персоны и сделать мишенью хоть кого-нибудь, не являющегося членом семьи.

– Да, бывает, – кивнул Леон. – И называется это *pro bono*¹, и все адвокаты время от времени обязаны вести процессы

---

¹ Для общего блага (*лат.*).

бесплатно. Насколько мне известно, крупные адвокатские конторы, что занимаются подобными делами, должны выделять бесплатного защитника.

– Тогда куда Реймонд девает эти триста баксов, раз ему не надо платить адвокатам?

– Мы это уже обсуждали, – напомнила Инесс.

– Уверен, он тратит целое состояние на всякие там авто-ручки, бумагу, конверты и марки, – сказал Леон. – Утверждает, будто пишет по десять писем в день. Черт, вот вам и выходит сто баксов в месяц!

– Плюс к тому он написал восемь романов, – торопливо вставил Бутч. – Или девять, мам? Что-то я запомнил.

– Девять.

– Ну вот. Девять романов, семь стихотворных сборников, десятки коротких рассказов, сотни песен. Вы только прикиньте, сколько на это все ушло бумаги!

– Ты что же, смеешься над Реймондом? – с подозрением спросила Инесс.

– Да ни в жизнь.

– Однажды ему удалось продать рассказ, – заметила она.

– Конечно, помню! В каком журнале его напечатали? «Отчаянный гонщик»? Заплатили сорок баксов за рассказ о парне, которому удалось стырить тысячу колпаков для колесных дисков. Сочли, что человек пишет со знанием дела.

– Ну а ты сколько рассказов продал? – поинтересовалась мать.

– Да ни одного, потому как просто не писал, а причина, по которой не писал, ясна как день. Просто вовремя понял, что у меня нет таланта. И если мой младший брат поймет наконец, что и у него нет писательского таланта, то сможет сэкономить немало денег. А заодно уберезет сотни людей от прочтения его белиберды.

– Жестокий ты человек, Леон.

– Нет, мама, просто честный. И если бы ты сама была честна с ним с самого начала, тогда, возможно, он перестал бы писать. Но нет. Ты читала его книжки и стихи, его короткие рассказы и говорила – это гениально. Ну и он стал писать все больше, более длинными словами, длинными предложениями, длиннющими абзацами и дошел до того, что нормальный человек не в силах ни черта понять в его писанине.

– Так, значит, это целиком моя вина?

– Нет. Не на все сто процентов.

– Это идет на пользу его здоровью.

– Я там был. И не понимаю, чем сочинительство может помочь.

– А он говорит, что помогает.

– Интересно, эти его книжки – они от руки написаны или напечатаны? – вдруг встрял Леон.

– Напечатаны, – ответил Бутч.

– И кто же их печатает?

– Он платит какому-то парню из тюремной библиотеки, – сказала Инесс. – По доллару за страничку, а в одной из кни-

жек целых восемьсот страниц. Однако я ее прочла, всю, до последнего слова.

– И поняла до последнего слова? – спросил Бутч.

– Ну, большую часть. С помощью словаря. Господи, ума не приложу, где только мой мальчик находит эти слова.

– И еще Реймонд посылает свои книжки в Нью-Йорк – думает, там их опубликуют, верно? – не унимался Леон.

– Да, но их отправляют ему обратно, – сказала она. – Наверное, там тоже не все понимают.

– Так ты считаешь, эти люди из Нью-Йорка не способны понять, что он пишет? – спросил Леон.

– Никто не способен понять, что он пишет и что хочет сказать, – заметил Бутч. – И это беда Реймонда-прозаика, Реймонда-поэта и Реймонда – политического заключенного. А еще Реймонда – автора песен и Реймонда-адвоката. Ни один человек в здравом уме не способен понять, что хочет сказать Реймонд своими произведениями.

– Если я правильно понял, – начал Леон, – большая часть денег уходит у Реймонда на писательство и все, что с ним связано: на бумагу, марки, печатание, копирование, отправку в Нью-Йорк и так далее. Я прав, мама?

– Наверное.

– И весьма сомнительно, что эти так называемые стипендии тратятся на адвокатов, – добавил Леон.

– Очень даже сомнительно, – подхватил Бутч. – К тому же не забывай о его карьере музыканта. Он тратит бабки на ги-

тарные струны и дерьмовые диски. К тому же теперь заключенным разрешается брать напрокат кассетники. И наш Реймонд стал исполнителем блюзов. Наслушался Би-Би Кинга² и Мадди Уотерса³ и, если верить тому же Реймонду, развлекает теперь своих коллег и соседей по камере смертников ночными концертами. Поет блюзы.

– О, знаю. Он упоминал об этом в одном из писем.

– У мальчика всегда был хороший голос, – заметила Инесс.

– Лично я никогда не слышал, чтоб он пел, – сказал Леон.

– Я тоже, – кивнул Бутч.

Они добрались до объездной дороги вокруг Оксфорда и находились в двух часах езды от Парчмена. Фургон Макбрайда выжимал максимум шестьдесят миль в час; стоило немного поддать газу, и передние колеса начинали слегка вибрировать. Впрочем, спешить особенно было некуда. Холмы в западной части Оксфорда становились все более пологими; до Дельты было уже рукой подать. Инесс узнала маленькую белую церквушку справа, рядом с кладбищем, и поняла, что церковь ничуть не изменилась за долгие годы, прошедшие с тех пор, когда она ездила в федеральный исправительный дом. «Интересно, – подумала она, – сколько еще

---

² Би-Би Кинг – американский блюзовый гитарист, певец, автор песен, которого поклонники именуют королем блюза.

³ Мадди Уотерс (настоящее имя Маккинли Морганфилд) – американский блюзмен; считается основоположником чикагской школы блюза.

женщин из округа Форд столь же часто ездили сюда». Впрочем, ответ был и так ясен. Леон положил начало этой традиции много лет назад тридцатимесячным тюремным заключением, и тогда посещения разрешались только в первую субботу каждого месяца. Порой Бутч отвозил ее, порой она платила соседскому сыну, но ни разу не пропустила ни одного свидания и неизменно брала с собой упаковку арахисового масла и тюбик зубной пасты. Через полгода после того, как Леона выпустили на поруки, уже он стал возить ее туда навещать Бутча. Затем одновременно сидели Бутч и Реймонд, но в разных отделениях, где правила содержания отличались.

А потом Реймонд убил шерифа, и его заперли в камере смертников, где тоже имелись свои правила.

Ко всему можно приспособиться, самые неприятные занятия входят в привычку, и Инесс Грейни даже научилась с нетерпением ожидать этих посещений. Братьев осуждал весь округ, но мать никогда не бросала своих детей. Она рожала их, она была рядом, когда они подрастали, когда их обижали и били. Она страдала на судебных процессах и слушаниях по условно-досрочному освобождению и говорила каждому, кто соглашался выслушать, что мальчики они хорошие, просто с ними плохо обращался человек, за которого она имела несчастье выйти замуж. А потому это ее вина. Выйди она за приличного человека, дети выросли бы нормальными людьми.

– Думаешь, эта женщина там будет? – спросил Леон.

– Свят-свят, – простонала Инесс.

– Разве она пропустит такое шоу? – заметил Бутч. – Уверен, непременно будет ошиваться поблизости.

– Господи, спаси и сохрани.

«Этой женщиной» была Талуя, городская сумасшедшая, она вошла в их жизнь несколько лет назад и умудрилась еще больше осложнить и без того скверную ситуацию. Через одного из активистов группы, требующей отмены смертной казни, она вышла на Реймонда, который в присущей ему манере ответил длинным письмом, где утверждал, что невиновен, что обращаются с ним просто ужасно, ну а дальше шла обычная чепуха о том, как он намерен построить карьеру писателя и музыканта. Он посылал ей стихи, любовные сонеты – словом, совсем вскружил голову дурочке. Они виделись в приемной для посетителей, и, глядя друг на друга через окошко, затянутое толстой металлической сеткой, умудрились влюбиться. Реймонд пропел несколько блюзовых мелодий, Талуя разрыдалась. Поговаривали даже о женитьбе, но планы эти пришлось отложить, поскольку тогдашнего мужа Талуи казнили в штате Джорджия. После недолгого траура она вновь приехала в Парчмен, где и состоялась странная церемония, прошедшая вразрез с законами штата, а также всеми религиозными доктринами. А потому брак признан не был. Это, впрочем, не помешало Реймонду продолжать пребывать в состоянии влюбленности, вдохновившей его, как он писал в очередном пространном послании, на новые литера-

турные подвиги. В этом же письме он сообщил семье, что Талуя желает посетить округ Форди познакомиться с новыми родственниками со стороны мужа.

И действительно, вскоре она приехала, но поскольку семья отказалась признать ее своей, тут же нанесла визит в редакцию «Округ Форд таймс», где поделилась своими путаными соображениями о смертной казни, предчувствиями касательно великого предназначения бедного Реймонда Грейни, а также уверенностью, что новооткрывшиеся обстоятельства дела и улики помогут снять с него обвинение в убийстве шерифа. Мало того, Талуя заявила, что носит во чреве ребенка Реймонда – результат нескольких проведенных совместно супружеских ночей. Согласно новым законам, приговоренным к смертной казни такое теперь разрешалось.

Откровения Талуи вместе со снимком занимали всю первую полосу, однако журналист проявил достаточно мудрости и, прежде чем отправить номер в печать, связался с тюремным начальством в Парчмене. Выяснилось, что никаких супружеских свиданий там не разрешалось, в особенности заключенным, приговоренным к смертной казни. К тому же официальных записей о том, что вышеупомянутые персоны состоят в законном браке, у администрации не было. Тем не менее несгибаемая Талуя, продолжая размахивать флагом Реймонда, даже решила отправить несколько его объемистых рукописей в Нью-Йорк, где ограниченные, тупые из-

датели их снова отвергли.

Со временем Талуя поутихла и отвязалась от семьи Грейни, но Инесс, Леон и Бутч продолжали жить в постоянном страхе, опасаясь, что на свет вскоре может появиться отпрыск Реймонда. Несмотря на все запретительные правила и законы, касающиеся интимных супружеских встреч в тюрьме, они слишком хорошо знали младшенького. Уж он-то всегда найдет способ.

Прошло два года, и Реймонд известил родных о том, что собирается разводиться с Талуей, а для этого ему требуется пятьсот долларов. Это вызвало очередной скандал с обвинениями в мошенничестве, безобразной руганью и упреками, и деньги были собраны только после угрозы Реймонда покончить жизнь самоубийством, причем угрожал он не впервые. Вскоре после того как ему были высланы чеки, пришло очередное письмо, где он сообщал радостную новость: они с Талуей помирились. Однако Реймонд не предложил вернуть деньги Инесс, Бутчу и Леону, хотя все трое придерживались мнения, что не мешало бы вернуть. Реймонд ответил отказом, объяснив: сумма эта должна пойти адвокатам для найма новых экспертов и следователей по делу.

Леона и Бутча больше всего бесило в брате ощущение собственной значимости, точно они, семья, обязаны высылать ему деньги по первому требованию – всего лишь по той причине, что он приговорен к смертной казни. В самом начале, когда Реймонда только упекли за решетку, Леон с Бут-

чем напомнили ему, что он не прислал им и цента, когда сами они сидели, а он находился на свободе. Это привело к очередному безобразному скандалу, и Инесс была вынуждена вмешаться, чтобы утихомирить сыновей.

Она сидела сторбившись в инвалидной коляске, на ее коленях лежала большая полотняная сумка. Прогнав мысли о Талуе, Инесс открыла сумку и достала самое последнее письмо Реймонда. Вскрыла простой белый конверт с витиеватой надписью курсивом, развернула два вырванных из блокнота листка желтоватой бумаги и начала читать:

«Дорогая мамочка!

Становится совершенно ясно и очевидно, что неуклюжие и громоздкие и даже в каком-то смысле летаргические махинации нашей неадекватной и бесчестной, даже коррупционной судебной системы неизбежно и неотвратимо привели к тому, что она нацелила на меня отвратительный кровожадный взгляд».

Инесс перевела дух, потом прочла первое предложение еще раз. Большинство слов казались знакомыми. За годы тренировок с письмом Реймонда в одной руке и словарем в другой она не переставала дивиться, как много можно почерпнуть из этих словарей.

Бутч обернулся, увидел письмо, покачал головой, однако промолчал.

«Тем не менее штат Миссисипи снова проявил несговорчивость и злую волю, стремление загнать человека в угол, достиг наивысшей точки деградации в своей решимости выпустить кровь из Реймонда Т. Грейни. И тому пришлось обеспечить себе услуги молодого адвоката поразительных способностей, этот человек экстраординарных юридических талантов был выбран мной из бесчисленных легионов барристеров, которые в буквальном смысле слова бросались к моим ногам».

Снова пауза, снова быстрое перечитывание. И Инесс продолжила:

«Неудивительно, что юрист столь исключительных и высочайших, и да, даже можно сказать, уникальных способностей и достоинств не может работать и эффективно защищать меня без соответствующей рекомпенсации».

– Что такое «рекомпенсация»? – спросила она.

– Прочти по буквам, – попросил Бутч.

Инесс медленно произнесла слово по буквам, и все трое задумались, что бы оно могло означать. Упражнения в лингвистике стали для семьи делом привычным, даже рутинным, как разговоры о погоде.

– А о чем там вообще речь? – спросил Бутч, и Инесс перечитала предложение. – Ясно. О деньгах, – заключил Бутч,

и Леон тут же с ним согласился. Загадочные слова, употребляемые Реймондом, чаще всего относятся к деньгам.

– Дай я продолжу, – предложил Леон. – У него новый адвокат, и ему нужны деньги на оплату услуги.

Инесс проигнорировала слова сына и продолжила чтение.

«С большой неохотой и даже определенным душевным трепетом я отчаянно умоляю, даже призываю вас собрать вполне обоснованную сумму 1500 долларов, которая найдет должное применение в деле моей защиты и, несомненно, поспособствует моему оправданию и освобождению – иными словами, спасет мою задницу. Давай же, мама! Пробил час, и вся семья должна взяться за руки, соединить усилия и в метафорическом смысле осилить это единственное препятствие. Ваш отказ, даже непокорство приведут к самым пагубным последствиям, которые только можно вообразить».

– Что такое «непокорство»? – спросила она.

– Прочти по буквам, – попросил Леон. Она прочла по буквам слово «непокорство», затем – слово «пагубным», и после кратких, но жарких дебатов стало очевидно, что ключа к пониманию этих слов у них нет.

«И наконец, еще финальное примечание, прежде чем я отправлю эту корреспонденцию: Леон и Бутч снова пренебрегли своим долгом, не выслали мне стипендию. Последние

выплаты должны были поступить в июне, а сейчас уже середина июля. Пожалуйста, помучай, припугни, заклеями, отругай, устыди этих предателей и отступников, заставь этих тупоголовых. Не отступай, пока они не внесут лепту в фонд моей защиты.

Как всегда, с любовью, твой лучший и любимейший сын Реймонд!»

Каждое письмо, адресованное приговоренным к смертной казни, прочитывается дежурным в почтовом отделении Парчмена, каждое исходящее письмо также тщательно изучается. И Инесс часто жалела бедную невинную душу, обязанную разбираться в причудливых посланиях Реймонда. Письма эти никогда не надоедали Инесс, наверное, потому, что требовали активной работы ума. И еще она всегда боялась что-то пропустить.

Письма младшего сына вытягивали из нее все силы. От лирических излияний клонило в сон. От романов начиналась мигрень. Стихи ставили в полное недоумение.

Ответы она писала регулярно, два раза в неделю, потому как знала: любое пренебрежение к «младшенькому» может вылиться в поток оскорблений и упреков в его следующем письме, возможно, четырехстраничном или даже пятистраничном, и там будут встречаться слова, которых ни в одном словаре не найдешь. Малейшая задержка в отправке «стипендии» сулила весьма неприятные телефонные звонки.

Из троих братьев Реймонд учился лучше всех, хотя ни

один из них так и не закончил среднюю школу. Леон был лучшим спортсменом, Бутч – лучшим музыкантом, зато у маленького Реймонда были мозги и он добрался до одиннадцатого класса, но тут его впервые арестовали за кражу мотоцикла. Ему пришлось провести шестьдесят дней в колонии для несовершеннолетних. Было ему шестнадцать, на пять лет меньше, чем Бутчу, и на десять – чем Леону. К тому времени все мальчики семейства Грейни имели репутацию умелых автомобильных воров и угонщиков. Ну и, естественно, Реймонд присоединился к семейному бизнесу и напрочь забыл о школе.

– Так сколько он хочет на этот раз? – спросил Бутч.

– Полторы тысячи для нового адвоката. Пишет, что вы не выслали ему стипендию за последний месяц.

– Перестань, мам, – грубо сказал Леон, и довольно долго в машине никто не произносил ни слова.

Когда первая автомобильная кража была раскрыта, Леон взял всю вину на себя и отсидел положенный срок в Парчменте. А как только вышел, второй раз женился и постепенно встал на праведный путь. А вот Бутч с Реймондом не проявляли ни малейшего желания исправиться – напротив, удвоили свою активность: торговали крадеными пистолетами и запчастями, были замешаны в сбыте марихуаны, контрабандного спиртного, ну и, разумеется, угоняли автомобили, а затем толкали их хозяевам разных подозрительных автомастерских на севере штата Миссисипи. Бутч попался

на краже газонокосилки из магазина, где, по его предположениям, должно было находиться полно телевизоров «Сони». Но на деле то была обычная провинциальная лавка, где торговали садовым инвентарем и запчастями. Сбыть на черном рынке телевизор легко, а вот садовый инвентарь, напротив, довольно трудно. Шериф между тем разнюхал, где тайник Бутча, – во время обыска там был найден контрабандный товар и ворованные вещи, по большей части совершенно бесполезные. И вот Бутч получил восемнадцать месяцев тюрьмы, и первый свой срок тоже отбывал в Парчмене. Реймонду же удалось отвертеться, и он продолжал воровать. Он был верен первой своей любви – легковушкам и пикапам – и имел весьма приличный доход, хотя все деньги уходили на наркотики, азартные игры и бесчисленных женщин легкого поведения.

С самого начала воровской карьеры по следу братьев Грейни шел совершенно несносный помощник шерифа по имени Кой Чилдерс. Кой подозревал их в каждом преступлении, совершенном на территории округа Форд. Он следил за ними, вынюхивал, шел по пятам, угрожал, запугивал и много раз арестовывал, имея на то веские основания или вовсе беспричинно. Все трое получали изрядные взбучки от Коя в укромных уголках местной окружной тюрьмы. Братья слезно жаловались шерифу, начальнику Коя, но причитания закоренелых преступников никто и слушать не хотел. А к тому времени братья Грейни стали личностями известными.

Как-то раз из мести Реймонд угнал патрульную машину Коя и продал ее одному подпольному дилеру в Мемфисе. А рацию оставил себе и чуть позже отправил ее Кою посылкой, без обратного адреса, разумеется. Реймонда арестовали и непременно посадили бы, не вмешайся назначенный судом адвокат. У копов не было никаких доказательств, ровным счетом ничего, что могло бы связать Реймонда с преступлением, – одни подозрения, хоть и обоснованные. Младшего Грейни отпустили, а через два месяца после этого Кой купил жене новенький автомобиль «шевроле-импала». Естественно, Реймонд угнал и его, прямо со стоянки у церкви, где вечером в среду собрались прихожане, а затем продал машину хозяину автомастерской рядом с Тьюпело. И Кой при всех поклялся убить этого негодяя, Реймонда Грейни.

Свидетелей убийства не было; по крайней мере ни один не объявился. Случилось это в пятницу, поздно вечером, на дорожке, посыпанной гравием, неподалеку от трейлера, где Реймонд проживал со своей последней подружкой. Версия обвинения сводилась к тому, что Кой припарковал свою машину поодаль, а затем, стараясь ступать как можно тише, направился к трейлеру с намерением посмотреть Реймонду в глаза, а возможно даже, арестовать его. Тело Коя нашли с восходом солнца охотники на оленей. Ему дважды выстрелили в лоб из крупнокалиберного ружья, а затем столкнули в неглубокую канаву рядом с дорогой, где он и лежал, утопая в собственной крови. При просмотре снимков с места пре-

ступления двоих присяжных вырвало.

Реймонд и его девица утверждали, будто тусовались всю ночь в каком-то заведении, но, очевидно, они оказались там единственными посетителями, поскольку ни одного свидетеля, способного подтвердить их алиби, не нашлось. Баллистики установили, что пули выпущены из украденного ружья; полицейские вышли и на его владельца, скупщика краденого, одного из давних знакомых Реймонда, промышлявшего подпольной торговлей оружием. И хотя никаких доказательств, что Реймонд когда-либо владел этим ружьем, украл его или позаимствовал, не было, одних подозрений оказалось достаточно. Обвинитель убедил присяжных, что у Реймонда был мотив – он ненавидел Коя. К тому же у него имелась судимость. Мало того, у него была и возможность сделать это, поскольку тело Коя нашли неподалеку от трейлера Реймонда. Место уединенное, никаких соседей на мили вокруг. К тому же у обвиняемого были и средства: пресловутое орудие убийства – ружье, которое продемонстрировали в зале суда. Мощное ружье с армейским оптическим прицелом, позволяющим киллеру видеть жертву даже в темноте, хотя опять же никаких доказательств, что прицел был прикручен к ружью в момент убийства Коя, не нашлось.

Алиби у Реймонда оказалось слабенькое. У подружки также имелось криминальное прошлое, а потому свидетель из нее был никакой. Назначенный судом защитник вызвал на заседание трех свидетелей, которые должны были подтвер-

дить, что слышали, как Кой поклялся убить Реймонда Грейни. Но все трое дрогнули под давлением обстановки, яростных взглядов, которые метал на них шериф, окруженный по меньшей мере десятью помощниками в форме. Вообще подобную стратегию защиты с самого начала можно было поставить под сомнение. Если Реймонд считал, что Кой пришел убивать его, тогда получается, что он, Реймонд, защищался? Признавал ли Реймонд, что совершил преступление? Нет, не признавал. Он только и твердил, что ничего об этом не знает, что танцевал со своей девчонкой в баре в то время, когда кто-то другой убивал Коя.

Несмотря на огромное давление возмущенной общественности, требовавшей признать Реймонда виновным, жюри присяжных совещалось два дня, прежде чем вынести приговор.

Год спустя федералы накрыли банду, промышлявшую сбытом амфетамина. В ходе расследования выяснилось, что помощник шерифа Кой Чилдерс был по самые уши замешан в деяниях этого преступного синдиката. В шестидесяти километрах, в округе Маршал, было совершено еще два схожих до мельчайших деталей убийства. Репутации покойного Коя был нанесен существенный урон. В округе пышным цветом расцвели слухи о том, кто действительно мог убить Коя, но Реймонд по-прежнему оставался главным подозреваемым.

Приговор – смертная казнь – был единодушно утвержден Верховным судом штата. За апелляциями следовали новые

утверждения приговора, и вот теперь, одиннадцать лет спустя, дело близилось к завершению.

К западу от Бейтсвилля холмы плавно переходили в равнины, и теперь автострада пролегла между полями, плотно засаженными вызревающим хлопком и соей. Фермеры на своих зеленых машинах «Джон Дир»⁴ тащились по дороге, точно она была построена для тракторов, а не автомобилей. Однако Грейни не спешили. Фургон катил вперед, мимо бездействующих хлопкоочистительных машин, брошенных амбаров, новеньких сдвоенных трейлеров со спутниковыми тарелками на крышах и грузовиков, припаркованных у дверей. Время от времени вдали мелькал чей-то добротный и красивый дом, специально отодвинутый от дороги, чтобы шум движения не беспокоил владельцев. Проехав городок Маркс, Леон свернул к югу.

– Сдается мне, Чарлин тоже там будет, – заметила Инесс.

– Это уж определено, – буркнул в ответ Леон.

– Да чтобы она такое пропустила – ни за что на свете, – добавил Бутч.

Чарлин была вдовой Коя. Многострадальная женщина, воспринявшая гибель мужа с необычным энтузиазмом. На протяжении многих лет она присоединялась к каждой группе, защищающей права жертв насилия как на местном уровне, так и на федеральном. Она угрожала газетам и любому,

---

⁴ «Джон Дир» – сельскохозяйственная машина с плугом; названа так по имени изобретателя середины XIX в.

кто ставил под сомнение порядочность Коя, грозила всем им судебными исками. Она писала длинные письма в редакции с требованием как можно скорее привести приговор Реймонду Грейни в исполнение. И еще она не пропустила ни единого слушания по пересмотру дела, даже не поленилась съездить в Новый Орлеан, когда дело поступило на рассмотрение Апелляционного суда по Пятому федеральному округу.

– Она молилась, чтобы этот день поскорее настал, – заметил Леон.

– Уж лучше бы не тратила силы и перестала молиться, потому как Реймонд сказал: этому не бывать, – проворчала Инесс. – Сам писал мне, что новые адвокаты куда лучше тех, что выделены от штата, и что у них подготовлено столько бумаг с доказательствами, что они и в трейлер не влезут.

Леон покосился на Бутча, тот ответил понимающим взглядом, затем братья вновь устремили взоры на пробегающие мимо хлопковые поля. Они проезжали мимо фермерских поселений Вэнс, Тутвайлер и Роум, солнце клонилось к западу. Вместе с сумерками явились тучи насекомых; они ударились о капот, били в ветровое стекло. Все трое опустили стекла и закурили; говорили мало. Приближение к Парчмену всегда действовало на семью Грейни угнетающе – на Бутча и Леона по вполне очевидным причинам, а Инесс в очередной раз вспоминала обо всех промахах, допущенных ею как матерью.

Парчмен был знаменит не только своей тюрьмой; помимо

нее там находились ферма и плантация, раскинувшаяся на восемнадцать тысяч акров, с черной плодородной землей, на которой выращивали хлопок. Это обеспечивало приличные доходы на протяжении десятилетий, пока не вмешались федеральные суды и не был отменен труд рабов. Другим своим постановлением другой федеральный суд покончил с расовой сегрегацией. Еще несколько судебных разбирательств – и жизнь стала немного лучше, хотя насилие процветало, а преступность даже возросла.

Проведенные здесь Леоном тридцать месяцев заключения избавили его от тяги к преступлениям, для чего, собственно, в понимании законопослушных граждан и созданы тюрьмы. Бутча же первая отсидка убедила в том, что он запросто может выдержать еще одну, а потом украсть любую легковушку или грузовик в округе Форд.

Автомагистраль под номером три – прямая и ровная, движение обычно неплотное. Уже почти стемнело, когда их фургон миновал маленький зеленый знак у обочины, где было выведено всего одно слово – «Парчмен». Впереди замелькали огни – здесь явно происходило что-то необычное. Справа белые каменные ворота тюрьмы, по другую сторону дороги, на засыпанной гравием площадке, возводилось нечто напоминавшее цирк шапито. Противники смертной казни развили бурную деятельность: одни, встав в круг, молились; другие расхаживали с самодельными плакатами в поддержку Рея Грейни. Какая-то группа распевала гимн. Со-

бравшиеся рядом люди, со священником, опускались на колени и держали свечи. Чуть впереди виднелась еще одна небольшая команда – сторонники смертной казни. Они выкрикивали лозунги и осыпали оскорблениями тех, кто выступал в защиту Грейни. Порядок поддерживали полицейские в униформе. Съёмочные группы телевидения тщательного фиксировали все это.

Леон остановился у будки охраны. Там просто кишели тюремные охранники и озабоченный персонал по безопасности. К двери со стороны водителя подошел охранник со списком и спросил:

– Фамилия?

– Грейни. Семья Реймонда Грейни. Леон, Бутч и наша мать Инесс.

Охранник не стал ничего записывать, отошел на шаг, выдал:

– Подождите минутку. – И исчез. Прямо перед машиной застыли еще три стража, перекрывая въезд.

– Он пошел за Фитчем, – сказал Бутч. – Хочешь, поспорим?

– Нет, – ответил Леон.

Фитч был помощником надзирателя, рьяным тюремным служакой, монотонную работу которого скрашивали и оживляли лишь побеги да экзекуции. Он расхаживал по Парчмену в ковбойских сапогах, поддельной шляпе стетсоне и с огромным пистолетом на бедре. Вид у него был такой, точно

все вокруг принадлежит ему. Фитч пережил дюжину надзирателей и стал свидетелем множества казней. Подходя к машине, он громко сказал:

– Так-так: смотрю, ребяташки Грейни вернулись туда, где им самое место! Мебель, что ли, починять собрались, а, мальчишки? У нас имеется старый электрический стул. Можете его перетянуть по новой! – Он громко засмеялся собственной шутке, и за его спиной тоже послышались смешки.

– Вечер добрый, мистер Фитч, – сказал Леон. – Мы приехали с мамой.

– Добрый вечер, мэ, – сказал Фитч, заглянув в глубину фургона.

Инесс ему не ответила.

– Где раздобыли машину? – осведомился Фитч.

– Одолжили, – коротко ответил Леон. Бутч устремил взгляд в никуда, избегая смотреть на помощника надзирателя.

– Как же, одолжили! Когда это вы, ребятаки, в последний раз что-нибудь одалживали, а? Уверен, этот мистер Макбрайд как раз сейчас разыскивает свой фургон. Могу ему позвонить.

– Звони, Фитч, – бросил Леон.

– Для тебя я мистер Фитч.

– Как скажете, сэ,р.

Фитч смачно сплюнул на дорогу, а потом кивком указал вперед, опять же с таким видом, точно контролировал здесь

все до мелочей.

– Думаю, вам, ребятаки, известно, куда дальше ехать, – сказал он. – Бог свидетель, побыли здесь достаточно долго. А теперь поезжайте вон к той машине службы безопасности. Там вас обыщут. – Он махнул рукой охранникам, преграждавшим путь. Те расступились, образовался проход, и, не сказав Фитчу больше ни слова, Грейни отъехали.

Несколько минут двигались за машиной без опознавательных знаков, где было полно вооруженных людей. Они проезжали мимо одного тюремного блока за другим, каждый был отделен высокой металлической сеткой с мотками колючей проволоки наверху. Бутч покосился на блок, в котором провел несколько лет жизни. Хорошо освещенная «игровая площадка» – так они ее называли. На ней, как всегда, проходил баскетбольный матч, носились голые до пояса потные мужчины, причем ни один не упускал возможности лягнуть или толкнуть зазевавшегося противника. Грязная бессмысленная игра. Он увидел тихонь, сидевших вокруг небольших столиков и терпеливо дожидавшихся десяти вечера, когда всех погонят в камеры спать; ждали, когда жара спадет хоть немного, поскольку в помещениях кондиционеры работали из рук вон плохо, особенно в июле.

Как обычно, Леон лишь бегло взглянул на свой старый блок и вспоминать о времени, которое провел там, не стал.

По прошествии стольких лет он научился отгонять мысли об обидах, издевательствах и прочих моральных и физи-

ческих шрамах, что нанесли ему здесь. Заключенные этого блока на восемьдесят процентов были чернокожими, а потому тюрьма Парчмен стала одной из немногих в Миссисипи, где правила устанавливали не белые.

Строже других охранялось красное кирпичное одноэтажное здание в стиле 1950-х годов с плоской крышей. В ту пору множество начальных школ строились именно по такому проекту. Его тоже окружала высокая металлическая изгородь с мотками колючей проволоки наверху, по углам вышки, где несли дежурство вооруженные до зубов охранники. Впрочем, этой ночью вся охрана была мобилизована и возбуждена до крайности. Леон припарковал машину там, где ему указали, затем его и Бутча тщательно обыскал целый батальон неулыбчивых тюремщиков. Инесс вместе с инвалидной коляской вытащили из фургона, подкатили к контрольно-пропускному пункту и тоже обыскали – две надзирательницы в форме. Затем их провели в здание, через целый ряд массивных дверей, мимо охранников.

И вот они оказались в маленькой комнатке, где никогда не бывали прежде. Обычная комната для посетителей находилась где-то в другом месте. Они уселись, с ними остались двое надзирателей. В комнате был диван, два складных кресла и древняя картотека с файлами у стены – все как в кабинете мелкого чиновника, которого выгнали отсюда на ночь.

Два надзирателя весили по меньшей мере 250 фунтов каждый, шеи толстенные, в 24 дюйма в окружности, головы

гладко выбритые. Несколько минут прошло в неловком молчании, наконец Бутч не выдержал, сделал несколько шагов и спросил надзирателей без обиняков:

– А вы чего здесь делаете?

– Исполняем приказы, – ответил один из громил.

– Чьи приказы?

– Начальника тюрьмы.

– Неужели не понимаете, что выглядите по-дурацки?

Здесь собралась семья приговоренного к смерти человека. Лично я хотел провести с братом несколько минут в этой чертовой крысиной норе, этой клетушке без окон, с голыми стенами, где есть только одна дверь, а вы торчите тут и охраняете, словно от нас исходит какая опасность. Неужто не понимаете, что это глупо?

Казалось, шеи у обоих вот-вот лопнут. Их физиономии побагровели. Будь Бутч заключенным, его просто избили бы, но он таковым не являлся. Он являлся гражданином, бывшим заключенным, ненавидевшим каждого копа, военного, охранника, стража и агента безопасности. Любой человек в форме был для него врагом.

– Пожалуйста, сядьте, сэр, – холодно произнес надзиратель.

– Неужели вы, идиоты, не понимаете, что комнату с тем же успехом можно охранять и снаружи? Клянусь, что можно! Понимаю, вас, наверное, недостаточно натаскали, чтобы усечь это, но если вы выйдете из этой двери и разместите

свои толстые задницы в коридоре по обе ее стороны, то и безопасность не пострадает, и мы сможем побыть наедине с членом семьи. Сможем поговорить с нашим младшим братишкой, не опасаясь, что нас слушают два клоуна.

– Ты бы лучше заткнулся, парень.

– Давайте выходите. Хотя бы попробуйте! Закройте за собой дверь с той стороны, смотрите на нее и охраняйте себе на здоровье. Уверен, вы, ребята, справитесь. Вы вполне способны на это.

Разумеется, надзиратели и с места не сдвинулись. И Бутчу ничего не оставалось, кроме как опуститься в складное кресло рядом с матерью. Они прождали еще минут тридцать, и это время показалось вечностью. Наконец вошел начальник тюрьмы, представился и произнес:

– Экзекуцию запланировано провести в двенадцать ноль одну. – Тон был сух и официален, точно начальник тюрьмы выступал на обычном собрании перед сотрудниками. – Нас уведомили, что звонка в последнюю минуту из офиса губернатора не поступит. – Снова ни намек на сострадание.

Инесс закрыла обеими руками лицо и зарыдала.

Он же невозмутимо продолжил:

– Адвокаты заняты возней с бумагами, так всегда бывает, но наши юристы сообщили, что отсрочка приведения приговора в исполнение маловероятна.

Леон и Бутч устали в пол.

– На случай подобных событий режим у нас немного

ослаблен. Вы можете оставаться здесь сколько захотите. Реймонда мы скоро приведем. Сожалею, что дошло до этого. Если смогу чем-то помочь, обращайтесь.

– Уберите отсюда этих двух придурков, – попросил Бутч, указывая на надзирателей. – Надо уважать частную жизнь.

Начальник тюрьмы явно колебался. Осмотрел помещение, затем кивнул.

– Нет проблем. – Он вышел и забрал с собой громил.

Минут через пятнадцать дверь снова распахнулась, вошел Реймонд с широкой улыбкой на лице и сразу бросился к матери. Они долго обнимались, прослезившись, затем он крепко обнял братьев и сообщил, что все развивается в самом благоприятном для него направлении. Они придвинули кресла к дивану и уселись, Реймонд сжимал руку матери.

– Дела идут, контора пишет, – с улыбкой заявил Реймонд, так и излучавший уверенность. – Мои адвокаты загружают целый фургон прошений habeas corpus⁵ – так тут принято у нас говорить. И они на все сто уверены, что в течение часа Верховный суд США издаст сертиорари⁶.

---

⁵ Термин английского права, которым обозначается основная гарантия личной свободы. Любой задержанный (или его представитель) может подать прошение о выдаче постановления хабеас корпус, которым суд повелевает доставить задержанного вместе с доказательствами законности задержания. Фактически этим устанавливается презумпция невиновности. Обычное обозначение приказа, издававшегося на предмет немедленного освобождения от незаконного лишения свободы.

⁶ Сертиорари – в странах англо-саксонской системы права – судебный приказ, издаваемый в порядке надзора для истребования дела из производства суда низ-

– Что это означает? – спросила Инесс.

– Это означает, что Верховный суд согласится выслушать дело. А это, в свою очередь, означает отсрочку. Автоматически. Так что впереди, наверное, нас ждет новый процесс в округе Форд, хотя до сих пор я не уверен, что хочу, чтобы слушания проходили там.

На Реймонде была белая тюремная одежда, на ногах без носков резиновые шлепанцы. И еще было видно, что он поправился. Щеки округлые, даже пухлые. Завязки шнурка, на котором держались штаны, явно укоротились. Мать и братья не виделись с ним почти шесть недель, и прибавка в весе была заметна. И, как обычно, он болтал о том, чего они не понимали, во что абсолютно не верили; во всяком случае, Леон и Бутч. Господь наделил Реймонда живым воображением, быстрой и складной речью и полной неспособностью говорить правду.

Вот и сейчас он, несомненно, врал.

– На меня сейчас пашут две дюжины адвокатов, – сказал он. – Властям за ними не угнаться.

– А когда ожидается решение суда? – спросила Инесс.

– Да в любую минуту может поступить. У меня несколько федеральных судей в Джексоне, в Новом Орлеане и в Вашингтоне тоже. Только и дожидаются, чтобы пнуть под зад это гребаное государство.

На протяжении одиннадцати лет он получал пинки под

зад от государства, так что верилось с трудом, что в этот последний час удастся изменить ход событий. Леон с Бутчем дружно кивали, делая вид, будто покупаются на это, верят, что неизбежное не свершится. Они давно знали, что их младший братишка разнес башку Коя выстрелом из украденного ружья. А несколько лет назад уже приговоренный к смертной казни Реймонд сознался Бутчу, что был под воздействием наркотиков и не помнит, как убивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.